

ТЭД УИЛЬЯМС

СКАЛА ПРОЩАНИЯ

ТОМ 1

ПАМЯТЬ,
СКОРБЬ
И ШИП
КНИГА ВТОРАЯ

fan_zon

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Тэд Уильямс

Скала Прощания. Том 1

«ЭКСМО»

1990

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Скала Прощания. Том 1 / Т. Уильямс — «Эксмо»,
1990 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-167815-9

Культовая трилогия «Память, Скорбь и Шип» Зима, вызванная злой магией Инелуки, Короля Бурь, ворвалась в Светлый Ард. Когда-то поваренок, а теперь победитель дракона, Саймон и его друг Бинабик несут один из трех легендарных мечей принцу Джошуа. На их пути через земли кануков и ситхи ждут испытания и смертельные ловушки. Принц Джошуа с маленьким отрядом, потерпев поражение при Наглимунде, бежит от норнов через луга тритингов. Дочь вероломного короля Элиаса, Мириамель, пытается скрыться от отца. Их дороги сходятся у Скалы Прощания, увиденной в пророческих снах. Первый том романа «Скала Прощания». «В этом панорамном, энергичном и часто волнующем продолжении "Трона из костей дракона" Уильямс искусно сплетает воедино истории путешествия героев, предвещая эпическое и славное завершение». — Publishers Weekly «Фэнтезийный эквивалент "Войны и мира"». — Locus

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-167815-9

© Уильямс Т., 1990

© Эксмо, 1990

Содержание

Заметки автора	6
Краткое содержание «Трона из костей дракона»	7
Вступление	10
Часть первая. Око бури	12
Глава 1. Музыка высоких сфер	12
Глава 2. Маски и тени	23
Глава 3. Нарушитель клятвы	36
Глава 4. Чашка ароматного чая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тэд Уильямс

Скала Прощания. Том 1

Данная серия посвящается моей матери, Барбаре Джин Эванс, которая научила меня глубокой привязанности к Тоуд-Холлу, Стоакровому лесу, Ширу и многим другим тайным местам и странам, расположенным за известными нам полями.

Кроме того, она пробудила во мне желание, которое не покидает меня всю жизнь, – совершать собственные открытия и делиться ими с другими.

Я хотел бы разделить эти книги с ней

Tad Williams

STONE OF FAREWELL

Book Two of Memory, Sorrow and Thorn

Copyright © 1990 Tad Williams by arrangement with DAW Books, Inc.

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Заметки автора

*Ужасным вихрем сметены,
Летят под дудку сатаны
Державы, скиптры, листья, лики...
Уносятся, мелькнув едва;
Надежны лишь одни слова.
Где ныне древние владыки,
Бранелюбивые мужи,
Где грозные цари – скажи?
Их слава стала только словом,
О ней твердят учителя
Своим питомцам бестолковым...
А может, и сама Земля
В звенящей пустоте Вселенной —
Лишь слово, лишь внезапный крик,
Смутивший на короткий миг
Ее покой самозабвенный?¹*

Я многим обязан и благодарен Эве Камминг, Нэнси Деминг-Уильямс, Полу Хадспету, Питеру Стэмпфелю и Дугу Вернеру, которые приложили руку к созданию этой книги. Их глубокие комментарии и предложения дали всходы, а в ряде случаев расцвели довольно удивительными цветами. Так же, как и всегда, особая признательность моим храбрым редакторам Бетси Уолхейм и Шейле Гилберт, чьи огромные усилия провели их сквозь бури и засуху.

(Кстати, все эти люди относятся к числу тех, с кем я бы хотел оказаться рядом, если бы мне довелось попасть в засаду норнов. Довольно сомнительная честь, но, по моему мнению, вполне достойная.)

ПРИМЕЧАНИЕ: В конце данного тома имеется список действующих лиц и глоссарий терминов.

¹ Уильям Батлер Йейтс (Из «Песни счастливого пастуха»), перевод Григория Кружкова.

Краткое содержание «Трона из костей дракона»

Многие и многие века Хейхолт принадлежал бессмертным ситхи, но они бежали из огромного замка, чтобы уцелеть после нападения людей. После этого люди долго правили величайшей из твердынь, как и оставшейся частью Светлого Арда. *Престер Джон*, Верховный король всех наций людей, был его повелителем. И после молодых лет, наполненных победами и славой, управлял страной в течение нескольких последних десятилетий, сидя на троне из костей дракона.

Саймон, неуклюжий четырнадцатилетний мальчишка-поваренок, живет в Хейхолте. Его родители умерли, а семьей были горничные и их суровая госпожа, *Рейчел Дракониша*. Когда Саймону удавалось сбежать из кухни, он пробирался в захламленные владения *доктора Моргенеса*, эксцентричного ученого, также живущего во дворце. Когда старик предложил Саймону стать его учеником, юноша ужасно обрадовался, пока не обнаружил, что Моргенес предпочитает учить его чтению и письму, а не магии.

Древний король Джон должен скоро умереть, и *Элиас*, старший из двух его сыновей, готовится занять трон. *Джошуа*, серьезный младший брат Элиаса, получивший прозвище Однорукый из-за ранения, постоянно ссорится с будущим королем из-за священника Прайрата, имеющего дурную репутацию, но ставшего одним из главных советников Элиаса. Вражда братьев темным облаком нависает над замком и страной.

Правление Элиаса в качестве короля начинается удачно, но потом приходит засуха, а некоторые народы Светлого Арда атакует чума. Проходит совсем немного времени, и на дорогах появляются разбойники, а в далеких деревнях исчезают люди. Нарушается привычный порядок вещей, подданные короля перестают верить в своего правителя, но монарха и его друзей это совершенно не беспокоит. Недовольство населения набирает силу, а тем временем исчезает брат Элиаса Джошуа – чтобы подготовить восстание, такие ходят слухи.

Плохое управление страной беспокоит многих, в том числе *герцога Изгримнура* из Риммерсгарда и *графа Эoleyра*, посла из западной страны под названием Эрнистир. Даже собственной дочери короля Элиаса, Мириамель, не по себе, и больше всего ее тревожит Прайрат, доверенный советник ее отца, который постоянно носит красные одеяния.

Между тем Саймон остается учеником и помощником Моргенеса. Вскоре у них налаживаются дружеские отношения, несмотря на то, что мальчишка часто ведет себя, как настоящий олух, а доктор отказывается учить его чему-то, что хотя бы отдаленно похоже на магию. Однажды, когда Саймон блуждает по тайным лабиринтам Хейхолта, его едва не ловит Прайрат. Спасаясь от священника, он оказывается в подземной темнице, где находит Джошуа, которого там заточили и готовили для ужасного ритуала, спланированного Прайратом. Саймон зовет доктора Моргенеса, они вдвоем освобождают Джошуа и отводят его в покои доктора, откуда Джошуа удастся сбежать на свободу через туннель, выходящий из древнего замка.

Затем Моргенес отправляет сообщение с птицей своим таинственным друзьям, Прайрат и королевская стража врываются к Моргенесу, чтобы арестовать его и Саймона. Во время схватки с Прайратом Моргенес погибает, но его жертва позволяет Саймону сбежать через туннель.

Охваченный отчаянием и страхом, Саймон ночью пробирается по туннелям под дворцом и обнаруживает развалины дворца ситхи. Он выбирается на поверхность на кладбище, расположенном за городской стеной, его привлекает свет костра, и он становится свидетелем диковинного зрелища: Прайрат и король Элиас проводят ритуал с участием странных белолицых существ, закутанных в черные одеяния. Бледные существа отдают Элиасу необычный серый меч по имени *Скорбь*, от которого исходят эманации силы. Саймон убегает.

Жизнь в дикой местности у границы огромного леса Альдхорт оказывается ужасной, и через несколько недель Саймон едва не умирает от голода и усталости, но он все еще далек от цели своего путешествия – северной крепости Джошуа в Наглимунде. Он направляется в маленькую лесную деревушку, чтобы попросить милостыню, но по пути находит диковинное существо, попавшее в ловушку, – одного из представителей ситхи, народа, который считается мифическим или давно вымершим. Вскоре появляется лесник, но прежде, чем ему удастся убить беспомощного ситхи, Саймон вступает с ним в схватку и одерживает победу. Освобожденный ситхи задерживается лишь на мгновение, чтобы выпустить белую стрелу в ствол дерева рядом с Саймоном, после чего исчезает. Незнакомый голос советует Саймону взять стрелу с собой – дар ситхи.

Маленький незнакомец оказывается троллем по имени *Бинабик*, который ездит верхом на огромном сером волке. Он говорит Саймону, что случайно оказался рядом, но сейчас готов сопровождать юношу до Наглимунда. Саймон и Бинабик переживают множество приключений и странных событий по пути к Наглимунду: они начинают понимать, что им угрожает нечто большее, чем король и его советник, от которых сбежал плененный ими принц. Наконец, когда их преследуют мистические белые собаки, носившие клеймо *Стормспайка*, горы с дурной славой на далеком севере, им приходится искать убежище в лесном доме *Джелой*, прихватив с собой двух путешественников, которых они спасли от собак. Джелой, прямая и довольно резкая женщина с репутацией ведьмы, живущая в лесу, посоветовавшись с ними, соглашается, что древние норны, озлобленные родственники ситхи, заинтересовались судьбой королевства Престера Джона.

Всю дорогу до Наглимунда их преследуют как люди, так и другие существа. После того как Бинабик ранен стрелой, Саймон и спасенная ими девочка-служанка вынуждены сами продираться через лес. На них нападает мохнатый великан, и только появление охотников во главе с Джошуа их спасает.

Принц привозит их в Наглимунд, где раны Бинабика удастся исцелить, а Саймон понимает, что он вовлечен в водоворот необычных событий. Элиас вместе с войском приближается к Наглимунду, чтобы начать осаду крепости. Принцесса Мириамель путешествовала под чужим именем, убежав от своего отца, который, как она опасается, сошел с ума из-за влияния Прайрата. Со всего севера напуганные люди бегут в Наглимунд, к Джошуа – только он может их спасти от безумного короля.

Затем, когда принц и остальные обсуждают предстоящую битву, в зале совета появляется старый риммер, по имени *Ярнауга*. Он является членом Ордена Манускрипта, группы ученых и посвященных, частью которой были также Моргенес и наставник Бинабика, он принес новые плохие вести. Их враг, говорит он, это не только Элиас: король получает помощь от *Инелуки Короля Бурь*, который когда-то был принцем ситхи, но оставался мертвым в течение пяти столетий, а его лишенный тела дух теперь правит норнами горы *Стормспайк*, бледными родственниками изгнанных ситхи.

Именно ужасная магия серого меча привела к смерти Инелуки, а также нападение людей на ситхи. Орден Манускрипта считает, что Скорбь передали Элиасу в качестве первого шага непостижимого плана мести, плана, который должен привести к тому, что вся земля окажется под властью восставшего из мертвых Короля Бурь. Лишь пророческое стихотворение оставляет людям какую-то надежду – в нем говорится о «трех мечах», способных противостоять могучей магии Инелуки.

Одним из них является меч Инелуки Скорбь, который уже находится в руках их врага короля Элиаса. Второй меч – клинок риммеров по имени Миннеяр, который также когда-то находился в Хейхолте, куда-то исчез. Третий – *Шун*, черный меч величайшего рыцаря короля Джона, *сэра Камариса*. Ярнауга и другие члены Ордена считают, что его след теряется где-то

на холодном севере. Полагаясь на эту смутную надежду, принц Джошуа отправляет Бинабика, Саймона и нескольких солдат на поиски Шипа, в то время как Наглимунд готовится к осаде.

Усугубляющийся кризис оказывает влияние на остальных. Принцесса Мириамель, рассерженная попытками дяди ее защитить, переодевается и сбегает из Наглимунда с таинственным монахом по имени *Кадрах*. Она рассчитывает, что сможет добраться до южного Наббана и уговорить своих родственников помочь Джошуа. Старый герцог Изгримнур по просьбе Джошуа также переодевается, чтобы скрыть свои узнаваемые черты, и отправляется на поиски принцессы. *Тиамак*, родившийся на болотах Вранна, ставший ученым, получает послание от своего старого наставника Моргенеса, который сообщает ему о приближении тяжелых времен и намекает на то, что Тиамак будет вовлечен в эти события. *Мегвин*, дочь короля Эрнестира, беспомощно наблюдает, как Верховный король Элиас вовлекает ее семью и страну в водоворот войны и предательства.

На отряд Саймона и Бинабика нападает *Инген Джеггер*, охотник из Стормспайка, и его слуги. Путников спасает лишь появление ситхи *Джирики*, которого Саймон вызволил из капкана лесника. Когда Джирики узнает об их цели, он решает сопровождать их в горы Урмшейм, легендарное жилище великих драконов, чтобы помочь им отыскать Шип.

К тому времени, когда Саймон и остальные добираются до горы, король Элиас приводит свою армию и начинает осаду замка Наглимунд, и, хотя первые атаки отбиты, защитники несут тяжелые потери. Наконец создается впечатление, что войска Элиаса отказываются от осады и отступают, но не успевают обитатели крепости начать празднование, как на северном горизонте появляется могучая буря, направляющаяся к Наглимунду. Однако буря является лишь завесой, прикрываясь которой приближается ужасная армия норнов и гигантов, и после того, как *Красная рука*, главные слуги Короля Бурь, ломают ворота Наглимунда, начинается страшная бойня. Джошуа и горстке его ближайших соратников удается сбежать из замка. Перед тем как скрыться в огромном лесу, принц Джошуа проклинает Элиаса за позорную сделку с Королем Бурь и клянется, что заберет корону их отца.

Саймон и его спутники взбираются по склонам Урмшейма, преодолевают множество опасностей и находят Дерево Удун, громадный замерзший водопад. Там, в похожей на гробницу пещере, им удастся разыскать Шип. Но в последний момент снова появляется Инген Джеггер, который нападает на них вместе с отрядом солдат. Шум схватки будит Игьярдуга, белого дракона, который много лет спал подо льдом. Многие участники схватки погибают – как с одной, так и с другой стороны. Только Саймон оказывается один в ловушке на отвесном склоне скалы; когда ледяной червь к нему устремляется, юноша поднимает Шип и замахивается. Его обжигает черная кровь дракона, и он теряет сознание.

Саймон приходит в себя в пещере горы троллей Иканук. За ним ухаживают Джирики и Эйстан, солдат эркинландец. Шип удалось забрать из Урмшейма, но Бинабик оказывается пленником своего собственного народа, его и риммера *Слудига* приговаривают к смерти. У самого Саймона остаются шрамы от драконьей крови, а одна из прядей волос стала белой. Теперь Джирики называет его Белая Прядь и говорит Саймону, что к лучшему или к худшему, но он навсегда отмечен.

Вступление

Ветер с пронзительным воем носился по пустым бастионам, и казалось, будто тысячи грешных душ молили о пощаде. Брат Хенфиск, несмотря на пронизывающий холод, высасывавший воздух из его когда-то сильных легких, а также сделавший кожу его лица и рук сморщенной и облупленной, получал мрачное удовлетворение от этих звуков.

«Да, именно так они будут кричать, все великое множество грешников, которые презрительно плевали на Мать Церковь, – включая, к сожалению, и менее безжалостных братьев Ходерунда. – Как они станут рыдать, когда на них обрушится справедливый гнев Господа, и умолять о милосердии, но будет уже поздно, слишком поздно...»

Он больно ударился коленом об упавший со стены камень и с криком, сорвавшимся с потрескавшихся губ, рухнул в снег. Несколько мгновений монах с тихими стонами сидел на земле, но, когда брызнувшие из глаз слезы стали замерзать на щеках, ему пришлось встать на ноги. И он снова захромал вперед.

Главная дорога, поднимавшаяся через город Наглимунд в сторону замка, была засыпана продолжавшим падать снегом, дома и лавки по обе ее стороны почти исчезли под удушающим белым одеялом, но даже здания, которые не скрылись под белым покровом, пустовали, напоминая скелеты давно умерших животных. На дороге находился лишь Хенфиск и снег.

Ветер поменял направление и еще пронзительнее засвистел в высоких рифленых бастионах на вершине горы. Монах прищурил широко раскрытые глаза и посмотрел вверх, на стены, потом опустил голову и побрел дальше сквозь серый день, и скрип его шагов был подобен глухому барабанному бою, вливавшемуся в завывания ветра.

«Стоит ли удивляться, что горожане сбежали в цитадель», – дрожа от холода подумал он. Вокруг него зияли нелепо разинутые рты разбитых крыш, стены покосились под тяжелым снегом. Но внутри замка, под защитой камня и прочного дерева, люди находятся в безопасности. Там наверняка горит огонь, и красные веселые лица – лица грешников, презрительно напомним он себе: проклятых, пренебрегших всем грешников – соберутся вокруг него, восхищаясь тем, как он сумел пройти сквозь эту безумную бурю.

«Ведь сейчас ювен, разве не так?» – Неужели его память так пострадала, что он даже не может вспомнить месяц?

Конечно, может. Две полные луны назад стояла весна – быть может, она выдалась слишком холодной, но в этом не было ничего особенного для риммера Хенфиска, выросшего на холодном севере. Нет, конечно, все очень странно – ну, не должно быть такого ужасного холода, со всех сторон лед и снег – в ювене, первом месяце лета.

Разве брат Лангриан не отказался покинуть аббатство – и это после того, как Хенфиск вернулся к жизни?

«Дело не просто в плохой погоде, брат, – сказал Лангриан. – Это проклятие на все божьи создания. День Подведения итогов придет еще при нашей жизни».

Ну и пусть Лангриан остается там. Если он хочет жить среди сожженных развалин аббатства Святого Ходерунда, питаясь ягодами и другими дарами леса, – и сколько еды он там найдет при таком не по сезону холоде? – он не станет его судить. Брат Хенфиск не был глупцом. Следовало идти в Наглимунд. Он не сомневался, что старый епископ Анодис с радостью его примет. Епископ восхитится умными глазами монаха, запомнившего все, что он видел, оценит историю о том, что произошло в аббатстве, и о необычной погоде. Граждане Наглимунда также его примут, накормят, станут задавать вопросы, позволят посидеть возле теплого огня...

«Но они ведь *должны* знать о холоде, верно?» – тупо подумал Хенфиск, поплотнее кутаясь в обледеневшую сутану. Сейчас он оказался в тени стены. Белый мир, окружавший его столько дней и недель, казалось, закончился, исчез в каменной пустоте.

«Значит, они должны знать про снег и все остальное. Именно по этой причине они покинули город и перебрались в цитадель. Все дело в проклятой демонами погоде, которая мешает часовым выходить на стены? Разве не так?»

Он стоял и с безумным интересом разглядывал груды засыпанного снегом мусора – прежде здесь стояли врата Наглимунда. Огромные колонны и массивные камни были угольно-черными под белыми сугробами.

«Вот как они все здесь оставили. О, они будут отчаянно вопить, когда наступит судный день, но не получат ни одного шанса на прощение. Они все бросили – врата, город, погоду».

Кто-то должен понести наказание за свою ужасную халатность. Вне всякого сомнения, епископ Анодис будет очень занят, когда ему придется наводить порядок среди столь непокорной паствы, и Хенфиск с радостью поможет замечательному старому человеку разобраться с лентями. Сначала тепло, потом немного горячей еды. Ну, а уж потом монастырская дисциплина. Очень скоро они все приведут в надлежащий вид...

Хенфиск осторожно перешагивал через разбитые столбы и засыпанные снегом камни.

Постепенно Хенфиск начал понимать, что, в некотором смысле, зрелище, представшее его глазам... невероятно красиво. За воротами все покрывал изящный тонкий слой льда, подобный кружевной вуали паутины. Заходящее солнце обрушило на покрытые инеем и льдом башни, стены и внутренние дворы струи бледного огня.

Вопли ветра здесь, у крепостной стены, стали слабее, и Хенфиск долго стоял неподвижно, смущенный неожиданной тишиной. Когда слабое солнце скользнуло за стены, лед потемнел, глубокие фиолетовые тени окутали углы двора, постепенно вытягиваясь в сторону развалин башен. Ветер стих до кошачьего шипения, и напуганный монах в молчаливом понимании склонил голову.

Запустение. Наглимунд брошен, здесь не осталось ни единой души, чтобы приветствовать смущенного путешественника. Он прошел лиги по усыпанным снегом пустошам, чтобы добраться до холодного, пустого и немного замка, населенного лишь камнями.

«Но, – внезапно подумал он, – если это так... то, что означают голубые огни, мерцающие в окнах башен?»

И что за фигуры приближаются к нему через усыпанный обломками башен двор, фигуры, двигавшиеся по обледелым камням изящно, точно пушок семян чертополоха?

Его сердце забилося сильнее. Сначала Хенфиск увидел красивые холодные лица и светлые волосы и подумал, что это ангелы. Но потом, когда разглядел отблески света в черных глазах, повернулся, споткнулся и попытался бежать.

Норны поймали его без малейших усилий и отнесли в глубины заброшенного замка, в черные тени засыпанных снегом башен и непрерывно мерцавший свет. А когда новые хозяева Наглимунда зашептали ему своими тихими музыкальными голосами, его крики некоторое время перекрывали вой ветра.

Часть первая. Око бури

Глава 1. Музыка высоких сфер

Даже в пещере, где потрескивающий огонь тянул серые пальцы дыма сквозь дыру в каменном потолке к небу и красный свет искрился на высеченных на стенах изображениях извивающихся змей и клыкастых зверей со звездными глазами, холод продолжал терзать кости Саймона. Он приходил в себя от лихорадочного сна и снова засыпал, размазанный свет дня сменялся холодной стылостью темноты ночи, и ему казалось, что серый лед у него внутри становится все больше, ноги и руки наливаются тяжестью и покрываются инеем. Ему казалось, что он уже никогда не согреется.

Убегая из холодной пещеры страны кануков, он бродил по Дороге снов, беспомощно проваливаясь в одну фантазию за другой. Множество раз ему казалось, будто он вернулся в Хейхолт, в свой дом в замке, каким он был прежде, но больше не будет никогда: напоенные солнцем лужайки, тенистые закоулки и укромные уголки – величайший дом, наполненный суетой, светом и музыкой. Он снова гулял по Уединенному саду, а ветер, что пел за стенами пещеры, продолжал звучать и в его снах, тихо шумел в листве деревьев и кустов.

В одном странном сне ему показалось, что он вернулся в покои доктора Моргенеса. Теперь кабинет доктора находился на самом верху высокой башни, и за сводчатыми окнами плыли облака. Старик с тревогой склонился над страницами огромной раскрытой книги, и в его сосредоточенности и молчании было что-то пугающее. Казалось, Моргенес не замечал Саймона, продолжая разглядывать рисунок трех мечей, грубо нарисованных на странице.

Саймон подошел к подоконнику и услышал, как вздохнул ветер, хотя юноша не почувствовал движения воздуха. Он посмотрел на двор внизу и увидел, что с него не сводит широко раскрытых серьезных глаз ребенок, маленькая темноволосая девочка. Она подняла руку, словно для приветствия, и мгновенно исчезла.

Башня и неприбранные покои Моргенеса начали таять под ногами Саймона, точно отступающий отлив. Последним исчез сам старик. По мере того как он растворялся в воздухе, подобно тени под разгорающимся светом, Моргенес так и не поднял взгляда на Саймона; лишь его руки нетерпеливо бегали по страницам книги, словно продолжали искать ответы. Саймон его позвал, но мир вокруг него стал серым и холодным, наполненным клубящимся туманом и обрывками чужих снов...

Он проснулся, как случалось уже множество раз после Урмшейма, и обнаружил, что находится в пещере, окруженный ночной темнотой, и увидел Эйстана и Джирики, устроившихся возле покрытой рунами стены. Эркинландер спал, завернувшись в плащ, и его борода покоилась на груди. Ситхи смотрел на что-то, лежавшее на ладони его руки с длинными пальцами. Казалось, Джирики глубоко погрузился в свои мысли, от его глаз исходило слабое сияние, словно то, на что он смотрел, было отражением последних огоньков костра. Саймон попытался что-нибудь сказать – ему хотелось тепла и звуков голоса, – но сон снова увлек его за собой.

Ветер грохотал так громко...

Стонал на горных перевалах, как у вершин башен в Хейхолте... или на бастионах Наглимунда.

Так печально... ветер так печален...

Скоро он снова заснул. В пещере воцарилась тишина, которую нарушало лишь тихое дыхание и музыка высоких сфер.

Это была всего лишь яма, но из нее получилась эффективная тюрьма. Она уходила на двадцать локтей в глубину каменного сердца горы Минтахок, шириной с двух мужчин или четырех троллей, лежащих один за другим так, что голова касалась ног. По ее гладко отполированным, точно лучший мрамор для скульптора, стенам даже паук не сумел бы взобраться. Дно было холодным и влажным, как в любой темнице.

Хотя луна парила над заснеженными пиками соседей Минтахока, только тонкий лунный луч доходил до дна ямы, где касался, но не освещал две неподвижные фигуры. Уже давно ничего не менялось после восхода луны: ее бледный диск – Седда, как ее называли тролли, – оставался единственным движущимся предметом в ночном мире, медленно пересекая черные небесные поля.

Наконец что-то зашевелилось на краю ямы, и маленькая фигурка наклонилась вниз, вглядываясь в глубокие тени.

– *Бинабик*, – наконец заговорила на гортанном языке троллей присевшая на корточки гостья. – *Бинабик, ты меня слышишь?*

Если одна из теней на дне и пошевелилась, то она сделала это бесшумно. Фигура на краю ямы заговорила снова.

– *Девять раз за девять дней, Бинабик, твое копьё стояло у моей пещеры, и я тебя ждала.*

Слова произносились ритуальным напевом, но голос дрожал и пресекался.

– *Я ждала и произносила твое имя в Зале Эха. Но не получила никакого ответа, кроме отзвуков собственного голоса. Почему ты не вернулся, чтобы забрать свое копьё?*

Ответа вновь не последовало.

– *Бинабик? Почему ты не отвечаешь? Ведь ты мне должен – хотя бы это, разве не так?*

Тот из пленников на дне ямы, что был крупнее, зашевелился, и тонкий лунный луч высветил бледно-голубые глаза.

– Что за тролльские стенания? Мало того что они бросили в яму человека, который не сделал им ничего плохого, так теперь ты болтаешь всякие глупости, не давая ему спать?

Присевшая на корточки гостья замерла, как напуганный олень, попавший в луч фонаря, и мгновенно исчезла в ночи.

– Хорошо, – сказал риммер Слудиг, снова устраиваясь под сырым плащом. – Я не знаю, что говорил тебе тот тролль, Бинабик, но я не самого высокого мнения о твоём народе, если они пришли посмеяться над тобой – а заодно и надо мной, хотя меня и не удивляет, что они ненавидят мой народ.

Тролль рядом с ним промолчал, лишь смотрел на риммера темными печальными глазами. Через некоторое время Слудиг перевернулся на другой бок и попытался заснуть.

– Но, Джирики, ты не можешь уйти! – Саймон привстал на соломенном матрасе, кутаясь в одеяло, чтобы защититься от холода, и стиснул зубы, борясь с головокружением; он не часто вставал с постели за прошедшие пять дней после пробуждения.

– Я должен, – ответил ситхи, опустив глаза, словно не в силах встретить вопросительный взгляд Саймона. – Я уже отправил Сиянди и Ки'ушапо вперед, но требуется мое присутствие. Я останусь еще на день или два, но больше задерживаться не могу – так диктует мне долг.

– Ты должен помочь мне спасти Бинабика! – Саймон убрал ноги с холодного каменного пола обратно в постель. – Ты сказал, что тролли тебе доверяют. Заставь их освободить Бинабика. Тогда мы сможем уйти вместе.

Джирики негромко присвистнул.

– Все не так просто, юный Сеоман, – ответил он, сдерживая нетерпение. – У меня нет права или власти заставить кануков что-то делать. Кроме того, у меня есть другие обязанности и обязательства, которые ты понять не в силах. Я останусь здесь до тех пор, пока не увижу, что

ты встал на ноги. Мой дядя Кендрайа'аро уже давно вернулся в Джао э-тинукай'и, и долг по отношению к моему дому и соплеменникам требует, чтобы я последовал за ним.

– Требуется? – удивился Саймон. – Но ты же принц!

Ситхи покачал головой.

– Это слово в нашей речи имеет другой смысл, Сеоман. Я принадлежу к правящему дому, но я никому не отдаю приказы и никем не правлю. К счастью, никто не может управлять мной – за исключением определенных вещей в определенные времена. Мои родители объявили, что такое время пришло. – Саймону показалось, что он уловил слабые нотки гнева в голосе Джирики. – Однако не беспокойся. Ты и Эйстан не являетесь пленниками. Кануки чтят тебя и позволят уйти, как только ты захочешь.

– Я не уйду без Бинабика. – Саймон стиснул плащ. – И без Слудига.

У входа в пещеру появилась темная фигура и вежливо кашлянула. Джирики оглянулся через плечо и кивнул. Старая женщина из племени кануков шагнула вперед и поставила дымящийся котелок у его ног, потом быстро вытащила миски из-под похуже на палатку накидки из овечьей шкуры и расставила их полукругом. Ее маленькие пальцы двигались ловко, а морщинистое круглое лицо ничего не выражало, но, когда она подняла взгляд на Саймона, в ее глазах промелькнул страх. Женщина закончила и, быстро пятясь, вышла из пещеры и исчезла за занавеской, закрывавшей вход, так же бесшумно, как появилась.

«Чего она боится? – подумал Саймон. – Джирики? Бинабик говорил, что кануки и ситхи всегда жили дружно – ну, более или менее».

Он вдруг представил, как выглядит со стороны: в два раза выше любого тролля, лицо заросло щетиной – и, хотя он стал совсем худым, женщина-канук не могла об этом знать, ведь он завернулся в несколько одеял. Едва ли кануки могли отличать его от ненавистных риммеров? Кажется, народ Слудига воевал с троллями в течение столетий?

– Ты будешь есть, Сеоман? – спросил Джирики, наливая из котелка в миску горячую жидкость. – Они прислали тебе миску.

Саймон протянул руку.

– Это снова суп? – спросил он.

– Ака, так его называют кануки – а ты бы сказал «чай».

– Чай! – Саймон нетерпеливо схватил миску.

Джудит, хозяйка кухни в Хейхолте, очень любила чай. В конце долгого дня она садилась с большой горячей чашкой, полной разных приправ, и кухня наполнялась острыми ароматами растений с далеких южных островов. Когда у нее было хорошее настроение, она угощала Саймона. О, как он скучал по дому!

– Я никогда не думал, – начал он и сделал большой глоток, но тут же выплюнул горячий напиток, и у него начался приступ кашля. – Что это? – задыхаясь, спросил он. – Это не чай!

Возможно, Джирики улыбнулся, но, поскольку он держал у губ миску и понемногу из нее пил, уверенности у Саймона не было.

– Конечно, чай, – ответил ситхи. – Разумеется, кануки используют другие растения, чем вы, судхода'я. Как может быть иначе, если вы почти не торгуете друг с другом?

Саймон с гримасой вытер рот.

– Но он соленый! – Юноша понюхал напиток и поморщился.

Ситхи кивнул и сделал еще один глоток.

– Да, они кладут туда соль – а также масло.

– Масло! – воскликнул Саймон.

– Пути всех внуков Мезумиры поразительны, – серьезно проговорил Джирики, – ... и их разнообразие бесконечно.

Саймон с отвращением поставил миску на пол.

– Масло. Да поможет мне Усирис, какое отвратительное приключение, – пробормотал он.

Джирики спокойно допил свой чай. Упоминание Мезумиры снова напомнило Саймону о его друге тролле, который однажды ночью спел песню о женщине-луне. У него снова испортилось настроение.

– Но что мы *можем* сделать для Бинабика? – спросил Саймон. – Неужели ничего?

Джирики поднял на него взгляд кошачьих глаз.

– У нас появится шанс заступиться за него завтра. Пока мне не удалось выяснить, в чем состоит его преступление. Лишь немногие кануки говорят на чужих языках – твой спутник и в самом деле удивительный тролль, – я же не слишком хорошо владею языком кануков. К тому же они не любят делиться своими мыслями с чужаками.

– А что произойдет завтра? – спросил Саймон, опускаясь на тюфяк.

У него снова заболела голова. Почему он ощущает такую слабость?

– Будет... нечто вроде суда, я полагаю, – ответил ситхи. – Правители кануков выслушают всех и примут решение.

– И мы будем защищать Бинабика? – спросил Саймон.

– Нет, Сеоман, все будет немного не так, – мягко сказал Джирики, и на миг на его лице появилось странное выражение. – Мы будем там присутствовать из-за того, что ты видел Дракона Горы... и уцелел. Правители кануков хотят тебя видеть. Я не сомневаюсь, что перед всем его народом будут рассмотрены преступления твоего друга. А теперь отдыхай, завтра тебе понадобятся все твои силы.

Джирики встал, вытянул длинные руки, сделал несколько странных движений головой, при этом его янтарные глаза смотрели в пустоту. Тело Саймона содрогнулось, на него накатила волна слабости.

«Дракон! – ошеломленно подумал он, охваченный удивлением и ужасом. – Он видел дракона! Он, Саймон, поваренок, презираемый многими бездельник и олух, взмахнул мечом, ранил дракона и выжил – даже после того, как на него брызнула обжигающая кровь чудовища! Как в легенде!»

Он посмотрел на темное сияние Шипа, который лежал у стены, частично скрытый под тряпьем, и ждал своего часа, точно прекрасный и смертельно опасный змей. Казалось, даже Джирики не испытывал желания к нему прикоснуться и даже говорить о нем; ситхи спокойно игнорировал все вопросы Саймона о том, что магия может, словно кровь, струиться по клинку странного меча Камариса. Холодные пальцы Саймона коснулись челюсти, где его лицо пересекал все еще не до конца заживший шрам. Как обычный поваренок осмелился поднять такое могущественное оружие?

Он закрыл глаза и почувствовал, как огромный и равнодушный мир начал медленно вращаться вокруг него. Саймон услышал, как Джирики прошел по пещере к выходу, раздался шорох занавески, а потом им снова овладел сон.

Саймону снился сон. Перед ним вновь возникла темноволосая девочка с лицом ребенка, но старыми и глубокими, как колодец в церковном дворе, глазами. Казалось, она хотела что-то ему сказать. Ее губы беззвучно шевелились, но, когда она скрылась под мутными водами сна, ему показалось, что он слышит ее голос.

Он проснулся на следующее утро и обнаружил стоявшего над ним Эйстана. Мрачная улыбка бродила по губам солдата, борода промокла от таявшего снега.

– Пора вставать, парень. Сегодня нас ждет очень много дел, да, очень много, – сказал он.

Это заняло некоторое время, Саймон чувствовал себя слабым, но сумел одеться самостоятельно. Эйстан помог ему натянуть сапоги, которые он не надевал с того момента, как попал в Иканук. Они показались ему жесткими, как дерево, а ткань одежды царапала ставшую неожиданно чувствительной кожу, но теперь, когда Саймон встал и оделся, он почувствовал себя лучше. Он несколько раз прошелся по пещере и снова ощутил себя двуногим существом.

– А где Джирики? – спросил Саймон, надевая плащ.

– Он пошел вперед, – ответил Эйстан. – Но тебе не нужно беспокоиться. Я могу тебя отнести, ведь ты еще совсем больной.

– Да, меня носили раньше, – ответил Саймон, чувствуя, как его голос становится неожиданно холодным, – но из этого еще не следует, что требуется носить всегда.

Эркинландер хрипло рассмеялся – он и не думал обижаться.

– Я буду только счастлив, если ты сможешь ходить, парень, – ответил он. – У троллей тропинки очень уж узкие, и у меня нет ни малейшего желания таскать кого-то на плечах.

Саймону пришлось немного постоять у выхода из пещеры, дожидаясь, пока глаза привыкнут к сиянию снега снаружи. В первый момент белизна едва не ослепила его, хотя небо затянули тучи.

Они стояли на широком каменном крыльце, выступавшем почти на двадцать локтей от входа в пещеру. Карниз уходил вправо и влево вдоль склона горы, и Саймон видел окутанные дымом входы в другие пещеры, расположенные вдоль него, пока они не исчезали за округлостью живота Минтахока. На склоне у них над головой имелись похожие карнизы, ряд за рядом, в тех местах, где из-за неровной поверхности тропинки обрывались, были приделаны крылечки и раскачивавшиеся над пустотой мостики, издавала казавшиеся кожаными ленточками. Саймон наблюдал, как крошечные, закутанные в мех фигурки детей кануков, точно белки, носятся по мостикам и переходам, хотя падение означало неминуемую смерть. От этого зрелища Саймону стало не по себе, и он отвернулся.

Перед ним расстилалась огромная долина Иканук, а еще дальше над туманными безднами возвышались каменные соседи Минтахока, над которыми нависало серое небо в белых точечках снежинок. Крошечные черные дыры усеивали далекие пики; маленькие фигурки, едва различимые в темной долине, энергично сновали по извивавшимся тропам.

Три тролля, наклонившись вперед в кожаных седлах, проехали по тропе на своих косматых баранах. Саймон сделал шаг в сторону, уступая им дорогу, а потом осторожно приблизился к краю карниза и посмотрел вниз. На мгновение у него закружилась голова, как в те моменты, когда он был на Урмшейме. Весь склон горы, заросший искривленными вечнозелеными деревьями, пересекали мостики, переходы и карнизы, вроде того, на котором он стоял. Он обратил внимание на внезапно наступившую тишину и обернулся в поисках Эйстана.

Трое всадников, ехавших на баранах, остановились посреди широкого карниза и, открыв рот, удивленно смотрели на Саймона. Стражник, почти полностью скрытый тенью у входа в пещеру, отдал ему шутливый салют над головами троллей.

Подбородки двух троллей украшала редкая щетина. Все они носили ожерелья, сделанные из толстых костяных шариков, лежавших поверх тяжелых плащей, в руках они держали украшенные резьбой копы с крючками на концах, как на посохе у пастуха, с помощью которых управляли своими скакунами со спиральными рогами. Они были крупнее Бинабика: несколько дней, проведенных среди кануков, позволили Саймону понять, что рост у Бинабика меньше, чем у большинства его взрослых соплеменников. Эти тролли показались Саймону более примитивными и опасными, чем его друг. Они держали в руках оружие и имели суровый вид – несмотря на небольшой рост, от них исходила угроза.

Саймон смотрел на троллей. Тролли смотрели на Саймона.

– Они все слышали о тебе, Саймон, – прозвучал низкий голос Эйстана; три всадника посмотрели вверх, удивленные громким голосом, – но мало кто тебя видел.

Тролли с тревогой оглядели высокого стражника, потом принялись понукать своих скакунов и вскоре скрылись из вида.

– У них появился повод для сплетен, – рассмеялся Эйстан.

– Бинабик рассказывал мне о своем доме, – проговорил Саймон, – но тогда я не очень его понимал. Вещи никогда не бывают такими, какими ты их представляешь, не так ли?

– Только добрый господь Усирис знает все ответы, – кивнул Эйстан. – А теперь, если ты хочешь увидеть своего маленького друга, нам пора. И будь осторожен, не приближайся к краю карниза.

Они медленно двинулись по петлявшей тропе, которая то сужалась, то расширялась вместе с карнизом, идущим вдоль склона горы. Солнце уже стояло высоко над головой, но его скрывало множество темных, точно сажа, туч, а пронизывающий ветер упрямо дул им в лицо. Вершину горы над ними и высокие пики в долине покрывала белая шапка льда, но в средней части склона снег лежал лишь на отдельных участках. Кое-где снежные наносы засыпали тропу, в других местах она проходила мимо входов в пещеры, но сухой камень и открытая земля встречались довольно часто. Саймон не знал, является ли такое количество снега нормальным для первых дней месяца тягар в Икануке, но был сыт по горло ледяным дождем и холодом. Любые хлопья снега, попадавшие ему в глаза, он воспринимал как личное оскорбление; шрам на скуле и щеке напоминал о себе острой болью.

Даже теперь, когда они оказались в населенной части горы, им навстречу попадалось не так уж много троллей. Кое-где окутанные тенью фигурки выглядывали из задымленных входов в пещеры, они встретили еще две группы всадников, проследовавших в том же направлении, – они останавливались, чтобы поглазеть на Саймона и Эйстана, а потом поспешно удалялись, как и первая группа.

Саймон и Эйстан прошли мимо детей, игравших в сугробах. Юные тролли, немногим выше колена Саймона, были одеты в тяжелые меховые куртки и штаны; больше всего они напоминали маленьких круглых ежей. Их глаза широко раскрылись, когда Саймон и Эйстан проходили мимо, визгливая болтовня смолкла, но они не стали убегать и не выказали страха. Саймону это понравилось. Он осторожно улыбнулся, не забывая о шраме на щеке, и помахал детям.

Тропа сделала петлю, они оказались в северной части горы, и голоса обитателей Минтах-ока разом стихли, и теперь они слышали лишь шум ветра и шорох падавшего снега.

– Мне и самому это не нравится, – признался Эйстан.

– Что там такое? – спросил Саймон, указывая вверх по склону.

На каменном крыльце, высоко над ними, стояло странное сооружение в форме яйца, построенное из тщательно подогнанных друг к другу снежных блоков. В лучах клонившегося к закату солнца от снега исходило слабое розовое сияние. Перед «яйцом» выстроился молчаливый ряд троллей, державших копыя в руках, защищенных от холода рукавицами, суровые лица частично скрывали капюшоны.

– Не показывай в их сторону, парень, – сказал Эйстан, положив руку Саймону на плечо. Ему показалось, что несколько стражей стали смотреть вниз? – Это какое-то очень важное место, так сказал твой друг Джирики. Он назвал его «Ледяной дом». Смотри, маленькие люди выглядят взволнованными. Я не знаю почему – и не хочу знать.

– Ледяной дом? – переспросил Саймон. – Там кто-то живет?

Эйстан покачал головой.

– Джирики не говорил.

Саймон задумчиво посмотрел на Эйстана.

– А ты часто разговаривал с Джирики с тех пор, как мы здесь оказались? – спросил он. – Пока я не мог составить тебе компанию?

– Ну да, – ответил Эйстан и немного помолчал. – На самом деле совсем немного. У меня постоянно возникало впечатление... вроде как он думает о каких-то очень серьезных вещах, ты меня понимаешь? Невероятно важных. Джирики довольно приятный – по-своему. Не как человек, конечно, но все же. – Эйстан еще немного помолчал. – А еще он не такой, каким, по моему мнению, должен быть волшебный парень. Говорит просто, этот Джирики. – Эйстан

улыбнулся. – И он хорошо к тебе относится, да. Так, будто должен тебе денег. – И он рассмеялся в густую бороду.

Дорога была долгой и утомительной для того, кто испытывал такую слабость, как Саймон: сначала вверх, потом вниз, в одну сторону, затем в другую по склону горы. И хотя Эйстан часто поддерживал Саймона под локоть всякий раз, когда он спотыкался, у него появилось подозрение, что он не сможет идти дальше, после того, как они обошли очередной выступ, подобный камню посреди реки, и оказались напротив входа в великую пещеру Иканука.

Огромное отверстие по меньшей мере в пятьдесят шагов от одного края до другого зияло на склоне Минтахока, точно рот, открывшийся, чтобы вынести суровый приговор. У входа стоял ряд огромных статуй: круглые животы, человеческие фигуры, серые и желтые, как сгнившие зубы, с покатыми плечами, на которых покоилась тяжелая крыша. Гладкие головы украшали бараньи рога, мощные клыки торчали из-под сомкнутых губ. Фигуры были такими древними, что ветер, снег и дожди почти стерли выражения с их лиц. В результате, к удивлению Саймона, возникало ощущение бесформенной новизны – как если бы они начали воссоздавать себя из первоначального камня.

– *Чидсик Аб Лингит*, – послышался голос у него за спиной, – Дом предков.

Саймон вздрогнул и быстро обернулся, но слова произнес не Эйстан. Рядом с ним стоял Джирики и смотрел на слепые каменные лица.

– Как давно ты здесь? – Саймону стало стыдно за свой страх.

Он снова посмотрел в сторону входа. Кто бы мог подумать, что троллям по силам высечь такие гигантские фигуры стражей?

– Я вышел, чтобы тебя встретить, – сказал Джирики. – Привет, Эйстан.

Стражник что-то проворчал и поклонился. Интересно, что происходило между эркинландером и ситхи, пока он болел. Иногда возникали моменты, когда Саймону было очень трудно говорить с принцем Джирики, чье лицо становилось далеким и отрешенным. Как чувствовал себя рядом с ситхи прямой и простой солдат Эйстан, не прошедший подготовку Саймона, который множество раз вел сводившие его с ума беседы с доктором Моргенесом?

– Значит, именно здесь живет король троллей? – сказал он вслух.

– А также королева троллей, – кивнул Джирики. – Хотя они на языке троллей их так не называют. Пожалуй, ближе всего будет Пастырь и Охотница.

– Короли, королевы, принцы, и никто из них не является теми, кем их называют, – проворчал Саймон. Он устал, замерз, все тело у него болело. – Но почему пещера такая большая?

Ситхи тихо рассмеялся. Ветер трепал его бледно-лиловые волосы.

– Если бы пещера была меньше, юный Сеоман, они, вне всякого сомнения, нашли бы другое место для Дома предков. А теперь нам пора войти внутрь – и не только для того, чтобы спастись холода.

Джирики провел Саймона между двумя центральными статуями, в сторону мерцавшего желтого света. Когда они проходили между ногами, подобными колоннам, Саймон посмотрел вверх на лишённые глаз лица, которые сумел отыскать за огромными каменными животами статуй. И вновь вспомнил слова доктора Моргенеса.

Доктор часто повторял, что никто и никогда не узнает, что с ним случится в будущем, – «не нужно ничего ждать». Кто бы мог представить, что однажды я увижу такие дикие вещи, и на мою долю выпадут совершенно невероятные приключения? Никто не знает, что ему суждено...

Саймон почувствовал боль в щеке, а потом внутри у него все сжалось и похолодело. Доктор, как он не раз убеждался прежде, неизменно говорил правду.

Внутри пещеры собралось множество троллей, воздух наполняли сладкие и одновременно острые запахи масла и жира. Сияли тысячи желтых огней.

По всей неровной пещере с высоким каменным потолком, во всех нишах вдоль стен горели маленькие лужицы масла. Сотни таких светильников, в каждом из которых плавали фитили, похожие на тонких белых червей, заливали все вокруг светом, более ярким, чем серый день снаружи. Пещера была заполнена кануками в меховых куртках, повсюду плескался океан темных голов. Маленькие дети сидели на спинах родителей, точно чайки, неспешно парящие над волнами.

В центре пещеры над морем голов троллей возвышался каменный остров, и там, на платформе, высеченной из скалы, в маленьком огненном озере, сидели две маленькие фигуры.

Нет, это вовсе не огненное озеро, понял Саймон через мгновение, а узкий ров, пробитый в серой скале и опоясывавший всю пещеру. Ров, наполненный горящим маслом, как в лампах. Два тролля сидели на горе белых и рыжих мехов в центре в некотором подобии гамака, сделанного из тщательно выделанных шкур, прикрепленных ремнями к костяной раме. Саймон обратил внимание на их блестящие глаза и круглые безмятежные лица.

– Ее зовут Нануика, а его – Уамманак, – тихо подсказал Джирики, – они повелители кануков...

Пока он говорил, одна из маленьких фигур сделала короткий жест жезлом с крюком. Огромная толпа троллей разошлась в стороны, и теперь они стояли еще более плотно, образуя проход, идущий от начала возвышения к тому месту, где стояли Саймон и его спутники. На них выжидающе смотрели несколько сотен маленьких лиц. Пещеру наполнил шепот. А Саймон с недоумением уставился на освободившийся проход.

– Ну, вроде все понятно, – проворчал Эйстан, тихонько подтолкнув Саймона в спину. – Иди, парень.

– Мы все должны подойти, – вмешался Джирики.

Он сделал несколько странных жестов, показавших, что Саймон должен быть первым.

Казалось, шепот стал громче, а запах выделанных шкур сильнее, когда Саймон направился к королю и королеве...

«Или Пастырю и Охотнице, – напомнил он себе. – Или как там еще...»

Внезапно воздух в пещере стал каким-то невероятно плотным, и Саймон почувствовал, что задыхается. Он попытался сделать глубокий вдох и споткнулся – лишь сильная рука Эйстана, схватившая его за плащ, не дала ему упасть. Когда Саймон приблизился к возвышению, он на мгновение остановился, глядя в пол, и только после этого поднял глаза на сидевших на помосте правителей кануков. Свет ламп его ослепил, и он вдруг почувствовал гнев, хотя и сам не понимал, на кого. Он ведь только сегодня поднялся с постели? Чего еще они могли ждать? Что он прямо сразу подпрыгнет и начнет убивать драконов?

«Они выглядят странным образом похожими друг на друга», – подумал Саймон об Уамманаке и Нануике, ему даже показалось, что они близнецы. Впрочем, он сразу понял, кто из них кто: Уамманак находился слева от Саймона, у него была редкая борода, заплетенная в длинную косичку, украшенную красным и синим ремешками. Волосы были также заплетены, уложены сложными петлями на голове и закреплены гребнями из черного блестящего камня. Маленькими пальцами одной руки он поглаживал бороду, а в другой сжимал символ своей власти, толстое тяжелое копьё всадника с крюком на конце.

Его жена – если в Икануке все было устроено именно так – держала прямое копьё, более тонкое смертельное оружие с каменным, остро заточенным наконечником. Длинные черные волосы, уложенные в высокую прическу, удерживало множество резных костяных гребней. Из-под полуопущенных век на пухлом лице блестели холодные глаза, подобные гладко отполированному камню. Саймон вспомнил, что ее называют Охотница, и ему стало не по себе. Уамманак выглядел куда менее угрожающим. Тяжелое лицо Пастыря казалось погруженным в дремоту, однако в его взгляде чувствовалась хитрость.

После недолгой паузы, когда стороны изучали друг друга, на лице Уамманака появилась широкая улыбка, обнажившая желтые зубы, и его глаза едва не исчезли в складках кожи. Он вытянул обе ладони в сторону гостей, а потом сложил их вместе и заговорил на гортанном языке троллей.

– Он говорит, что приветствует тебя в Чидсик Аб Лингите и Икануке, горах троллей, – перевел Джирики.

Следом заговорила Нануика, и ее речь показалась Саймону более взвешенной, чем у Уамманака, но столь же непонятной. Джирики выслушал ее очень внимательно.

– Охотница также тебя приветствует. Она говорит, что ты довольно высокий, но, если ее знания о людях атку верны, то ты кажешься слишком молодым для убийцы дракона, несмотря на белую прядь волос. *Атку* – так тролли называют обитателей долин, – негромко добавил ситхи.

Саймон некоторое время смотрел на королевскую чету.

– Скажи им, что я благодарен им за прием, или что там еще положено говорить. И, пожалуйста, объясни, что я не убивал дракона – скорее всего, лишь ранил – и только для того, чтобы защитить своих друзей, именно так поступал Бинабик из Иканука во многих других случаях.

Когда Саймон закончил произносить свою длинную речь, он задохнулся, и у него закружилась голова. Пастырь и Охотница, которые с любопытством смотрели на него, пока он говорил, слегка нахмурились при упоминании имени Бинабика, а потом выжидательно взглянули на Джирики.

Ситхи немного помолчал, собираясь с мыслями, и начал быстро переводить слова Саймона на язык троллей. Уамманак с некоторым недоумением кивал. Нануика слушала с неподвижным лицом. Когда Джирики закончил, она бросила короткий взгляд на супруга и снова заговорила.

Если судить по переводу, то она не услышала упоминания имени Бинабика. Она выказала восхищение храбростью Саймона, а потом добавила, что они давно стараются всячески избегать горы Урмшейм – она назвала ее Ийджарджук. Теперь, продолжала она, пришло время исследовать западную часть гор, ведь дракон, даже если он уцелел, почти наверняка скрылся в глубинах, чтобы попытаться исцелить свои раны.

Казалось, речь Нануики вызвала раздражение у Уамманака. Как только Джирики закончил переводить, Пастырь заявил, что сейчас не время для подобных приключений, ведь тяжелая зима только что закончилась, и злые *крухоки* – риммеры – продолжают вести себя агрессивно. Однако он поспешил добавить, что Саймон и его спутники, другие обитатели равнин и почитаемый Джирики могут оставаться так долго, как пожелают, в качестве почетных гостей, и, если он или Нануика могут что-то сделать, чтобы облегчить их жизнь, им нужно лишь попросить.

Еще до того, как Джирики закончил переводить его речь на вестерлинг, Саймон начал переминаться с ноги на ногу, ему захотелось поскорее ответить.

– Да, – сказал он Джирики, – они *могут* кое-что сделать. Им по силам освободить Бинабика и Слудига, моих спутников. Освободить моих друзей, если вы хотите оказать нам услугу! – громко сказал он, поворачиваясь к закутанной в меха паре, которые непонимающе на него смотрели.

Когда Саймон повысил голос, толпа троллей вокруг начала с тревогой перешептываться. Саймон с опаской подумал, не зашел ли он слишком далеко, но ему уже было все равно.

– Сеоман, – ответил ему Джирики, – я обещал себе, что буду точно переводить твою речь, но сейчас я хочу, чтобы ты оказал услугу мне и позволил не переводить твою просьбу. Пожалуйста.

– Почему?

– Пожалуйста. В качестве одолжения. Я объясню позднее; а сейчас я прошу тебя мне верить.

Гневные слова слетели с губ Саймона прежде, чем он успел взять себя в руки.

– Ты хочешь, чтобы я бросил друга, оказав тем самым услугу тебе? Разве я не спас тебе жизнь? Разве не получил от тебя Белую стрелу? Кто и кому здесь делает одолжения?

Еще не закончив последнее предложение, Саймон пожалел о сказанном, ему вдруг показалось, что он создал непреодолимый барьер между собой и принцем ситхи. Он встретил горящий взгляд Джирики. Тролли вокруг них начали волноваться, они о чем-то нервно переговаривались, чувствуя, как резко возросло напряжение.

Ситхи опустил глаза.

– Мне стыдно, Сеоман, – сказал он. – Я попросил у тебя слишком многого.

Теперь уже Саймон почувствовал себя камнем, быстро погружающимся в мутную воду. Слишком быстро. Ему требовалось многое осмыслить и больше всего сейчас хотелось просто лежать и ни о чем не думать.

– Нет, Джирики, – выпалил он. – Это мне стыдно. Мои слова настоящий позор. Я идиот. Спроси у них, могу ли я поговорить с ними завтра. Я чувствую себя больным.

Внезапно у него безумно закружилась голова, и вдруг показалось, будто каменная пещера закачалась. Свет в масляных лампах начал мерцать, словно поднялся сильный ветер. Колени Саймона подогнулись, но Эйстан успел его подхватить и помог удержаться на ногах.

Джирики быстро повернулся к Уамманак и Нануике. Толпа троллей оцепенела. Неужели рыжий, похожий на аиста обитатель долин мертв? Быть может, такие тонкие ноги *не могут* долго выдерживать его вес, как предполагали некоторые? Но тогда почему двое других обитателей долин продолжают стоять? Многие недоуменно покачивали головами, шепотом обмениваясь предположениями.

– *Нануика, обладающая острым взглядом, и Уамманак, что уверенно правит своим народом: юноша все еще не оправился от болезни, он очень слаб,* – тихо проговорил Джирики. Тролли, для которых его едва слышная речь стала неожиданностью, подались вперед. – *Я прошу покровительства у вашего народа, опираясь на давнюю дружбу между нашими расами.*

Охотница склонила голову и слегка улыбнулась.

– *Говори, Старший брат,* – сказала она.

– *У меня нет права вмешиваться в ваше правосудие, и я не стану этого делать. Однако я прошу, чтобы суд над Бинабиком из Минтахока был отложен до того момента, когда его спутники – в том числе юноша Сеоман – смогут высказаться в его пользу. Такая же просьба относительно риммера, Слудига. И я прошу об этом именем Лунной женичины и наших общих корней.* – Джирики слегка поклонился, но при этом двигалась только верхняя часть его тела.

Он не выказал ни малейшего подобострастия.

Уамманак постучал по древку копья пальцами, с тревогой посмотрел на Охотницу, затем кивнул.

– *Мы не можем тебе отказать, Старший брат,* – сказал он. – *Так тому и быть. Мы подождем еще два дня, пока юноше не станет лучше, – но, даже если этот странный молодой человек принесет в своей седельной сумке зубастую голову Игъярдюка, это не изменит того, что должно быть. Бинабик, ученик Поющего, совершил ужасное преступление.*

– *Да, так мне сказали,* – ответил Джирики. – *Но не только храбрые сердца кануков принесли им уважение ситхи. Мы также ценим доброту троллей.*

Нануика коснулась гребней, скреплявших ее волосы, и ее взгляд оставался жестким.

– *Добрые сердца не могут отменить справедливый закон, принц Джирики, иначе все потомки Седды – ситхи и смертные – вернутся обнаженными в снег. Бинабик должен получить свой приговор.*

Принц Жирики кивнул, еще раз коротко поклонился и повернулся, собираясь уйти. Эйстан наполовину нес, наполовину поддерживал спотыкавшегося Саймона, когда они вместе шли через пещеру, сквозь строй любопытных троллей, обратно на холодный ветер.

Глава 2. Маски и тени

Огонь вспыхивал и затухал, снежинки кружились и мгновенно исчезали в пламени. Деревья вокруг по-прежнему озаряли оранжевые сполохи, но костер уже почти догорел. За хрупким барьером света терпеливо ждали своего часа холод и тьма.

Деорнот поднес ладони поближе к уголькам и постарался не обращать внимания на мощное живое присутствие леса Альдхорт, переплетенные ветви которого не позволяли видеть небо и звезды над головой, а окутанные туманом стволы мрачно раскачивались под холодным, не стихавшим ветром. Джошуа сидел напротив, глядя мимо огня в недружелюбную темноту; красные отблески костра отражались на худощавом лице принца, искаженном в молчаливой гримасе. Сердце Деорнота рвалось к принцу, но сейчас ему было трудно смотреть на Джошуа. Он отвел взгляд в сторону, стиснув замерзшие пальцы, словно так мог избавиться от страданий – своих, своего господина и всех остальных членов небольшого жалкого отряда.

Кто-то застонал рядом, но Деорнот не поднял головы. Многие из его спутников страдали, а маленькая служанка с ужасной раной на шее и Хелмфест, один из людей лорда констебля, которого укусило в живот жуткое существо, вряд ли переживут эту ночь.

Их неприятности не закончились, когда они выбрались из разрушенного замка Джошуа в Наглимунде. Когда отряд принца преодолевал последние разбитые ступени Стайла, они подверглись яростной атаке. Всего в нескольких ярдах от опушки Альдхорта земля вспучилась, и тишину фальшивой ночи, принесенной бурей, нарушили пронзительные вопли.

Со всех сторон их атаковали копатели – *буккены*, как их называл молодой Изорн, который истерически выкрикивал это слово, нанося мощные удары мечом. Несмотря на страх, сын герцога убил многих врагов, однако он и сам получил дюжину поверхностных ранений от острых зубов копателей и их грубых зазубренных ножей. И о них не следовало забывать: в лесу даже небольшие царапины часто начинали гноиться.

Деорнот принялся ерзать на своем месте. Отвратительные маленькие существа цеплялись за его руку, точно крысы. От удушающего страха он едва не отрубил себе кисть, чтобы избавиться от верещавших уродов. Даже сейчас одна только мысль о них заставила его содрогнуться. Он потерял пальцы, вспоминая схватку.

Наконец измученному отряду Джошуа удалось прорваться сквозь ряды врага, и они побежали к лесу. Странно, но угрожающая линия деревьев сулила защиту. Толпа копателей, имевших огромное превосходство в численности, не осмелилась преследовать людей.

«Быть может, у леса есть какая-то сила, не позволившая *буккенам* продолжить атаки? – подумал Деорнот. – Или, что более вероятно, в лесу обитают существа еще более опасные, чем сами копатели?»

Во время бегства им пришлось оставить за собой пять разорванных тел, еще совсем недавно бывших человеческими существами. Теперь отряд принца состоял из дюжины человек, но, судя по хриплому дыханию солдата по имени Хелмфест, лежавшего под плащом у костра, очень скоро их станет еще меньше.

Леди Воршева вытирала кровь с мертвенно-бледной щеки Хелмфеста. Ее отрешенное лицо напомнило Деорноту безумца, которого он однажды видел на городской площади Наглимунда, тот переливал воду из одной чашки в другую, не проливая ни капли. Ухаживать за умирающим молодым человеком было столь же бесполезно – Деорнот в этом не сомневался, и по темным глазам Воршевы видел, что она все понимает.

Принц Джошуа обращал внимания на Воршеву не больше, чем на остальных членов своего измученного отряда. Несмотря на ужас и усталость, которую она разделяла вместе с остальными, Воршеву сердило невнимание принца. Деорнот давно наблюдал за сложными отношениями Джошуа и Воршевы, но и сам не знал, как к ним относиться. Иногда он воспринимал

женщину из клана тритингов как досадную помеху, мешавшую принцу выполнять свои обязанности; в другие моменты жалел Воршеву, чья искренняя страсть заставляла ее терять терпение. Джошуа мог быть раздражающе осторожным и внимательным, но даже в лучшие времена был склонен к меланхолии. Деорнот понимал, что жить с принцем и любить его очень непросто.

Старый шут Тайгер и арфист Санфугол о чем-то печально разговаривали рядом. Пустой мех от вина лежал между ними; больше у них ничего не осталось. Тайгер только что допил последние капли и в ответ слышал обидные слова от своего спутника. Шут пил, сердито моргая слезящимися глазами, точно старый петух, пытающийся отогнать соперника.

Единственными людьми, которые занимались чем-то полезным, оказались герцогиня Гутрун, жена Изgrimнура, и отец Стрэнгъярд, архивариус из Наглимунда. Гутрун разрезала в нескольких местах подол своего парчового платья и шила грубые штаны, в которых было удобнее продираться сквозь кустарник Альдхорта. Стрэнгъярд, оценивший разумность ее действий, резал затупившимся ножом Деорнота сутану.

Рядом с отцом Стрэнгъярдом сидел погрузившийся в раздумья риммер Эйнскалдир; между ними лежало окутанное тенью неподвижное тело маленькой служанки, чье имя Деорнот не мог вспомнить. Она убежала вместе с ними из дворца и все время тихо плакала, пока они пробирались по подземному ходу.

Плакала до тех пор, пока до нее не добрались копатели. Они цеплялись за ее шею, как собаки за кабана, даже после того, как клинки рассекали их тела. Теперь она больше не плакала. Она лежала совершенно неподвижно и отчаянно боролась за жизнь.

Деорнот содрогнулся – на него накатила волна ужаса. Милосердный Усирис, какие грехи они совершили, чтобы получить такое жестокое наказание? За что так страшно пострадали жители Наглимунда?

Он с трудом подавил панику, понимая, что она отражается на его лице, после чего огляделся по сторонам. Никто не обращал на него внимания, слава Усирису, никто не видел его позорного страха. Нет, так нельзя. В конце концов, Деорнот был рыцарем. Он испытал гордость, когда рука принца в латной рукавице легла на его голову, а он произносил слова клятвы. Он мечтал испытать чистый ужас схватки с человеческими врагами – а не с маленькими верещащими копателями или норнами, чьи мертвенно-бледные лица ничего не выражали, когда они уничтожали замок Джошуа. Как можно бороться с далекими детскими страхами, которые так неожиданно ожили?

Должно быть, наконец наступил судный день. Другого объяснения быть не могло. Быть может, они все-таки сражались с живыми существами – у них текла кровь, они умирали, разве такое бывает с демонами? – тем не менее, то были силы тьмы. И последние дни явили людям правду.

Как ни странно, но Деорнот ощутил прилив сил. В конце концов, разве не истинное призвание рыцаря защищать своего господина и страну от врагов, как призрачных, так и настоящих? Разве священник не говорил об этом перед бдением при введении Деорнота во владения? Он постарался задвинуть трусливые мысли подальше – туда, где им и следовало находиться. Деорнот всегда гордился умением сохранять спокойное лицо, своим медленным и взвешенным гневом и потому чувствовал себя комфортно рядом со сдержанным принцем. Только взяв под контроль свои чувства, Джошуа мог вести людей за собой.

Деорнот подумал о Джошуа, бросил мимолетный взгляд в его сторону и сразу почувствовал, как возвращается тревога. Казалось, броня терпения Джошуа треснула, слишком серьезным оказалось оказанное на него давление. Джошуа смотрел в пустоту, где продолжал завывать ветер, его губы безмолвно шевелились, он о чем-то беседовал сам с собой; лоб хмурился в мучительной концентрации.

Смотреть на него было слишком трудно.

– Принц Джошуа, – тихо позвал Деорнот. Принц закончил безмолвный разговор, но не посмотрел в сторону молодого рыцаря. Деорнот сделал новую попытку: – Джошуа?

– Да, Деорнот? – наконец, ответил принц.

– Милорд, – начал рыцарь, но понял, что ему нечего сказать. – Милорд, мой добрый господин...

Деорнот прикусил нижнюю губу, надеясь, что в последний момент его усталый разум посетит вдохновение, но Джошуа внезапно подался вперед, продолжая смотреть в темноту, которая начиналась за освещенными алыми отблесками костра деревьями.

– Что это? – с тревогой спросил Деорнот.

Изорн, дремавший у него за спиной, проснулся с невнятным криком при звуке голоса друга. Деорнот нащупал рукоять меча и, встав, обнажил его.

– Тихо, – сказал Джошуа, поднимая руку.

Волна страха прокатилась по лагерю. Несколько секунд ничего не происходило, а потом и остальные услышали, как что-то ломилось через подлесок, неподалеку от круга света костра.

– Опять эти существа! – шепот Воршевы перешел в неуверенный крик.

Джошуа повернулся к ней, крепко сжал ее руку и резко ее встряхнул.

– *Тихо*, ради бога, тише!

Звук ломавшихся веток приближался. Изорн и солдаты вскочили на ноги, их ладони отчаянно сжимали рукояти мечей. Другие члены отряда плакали или молились.

– Никакой обитатель леса не станет двигаться с таким шумом... – прошипел Джошуа и вытащил из ножен Найдел, принц даже не пытался скрыть тревогу. – Он на двух ногах...

– *Помогите мне...* – послышался голос из темноты.

Казалось, ночь стала еще черней, словно темнота могла поглотить их вместе со слабым огнем костра.

Через мгновение кто-то преодолел кольцо деревьев и закрыл глаза руками, чтобы защитить их от света костра.

– Да, спасет нас Господь, да спасет нас Господь! – хрипло повторил Тайгер.

– Смотрите, это человек, – воскликнул Изорн. – Эйдон, он весь в крови!

Раненый сделал два шага в сторону костра и опустился на колени, наклонив лицо, которое потемнело от крови, однако он не сводил глаз с кольца сидевших у огня людей.

– Помогите мне, – снова простонал он. У него был такой слабый хриплый голос, что им с трудом удалось понять, что он говорит на вестерлинге.

– Что за безумие, леди? – простонал Тайгер. Старый шут схватил герцогиню за рукав, как мог бы сделать маленький ребенок. – Скажите мне, что за новое проклятие на нас свалилось?

– Мне кажется, я его знаю! – заговорил Деорнот, и через мгновение почувствовал, как исчезает парализующий страх; он бросился к дрожавшему человеку, сжал его локоть и помог подойти ближе к огню. Мужчина был одет в какое-то тряпье, кольчуга, разорванная во множестве мест, свисала с кожаного почерневшего ремня на шее.

– Это копейщик из нашей стражи, – сказал Деорнот Джошуа. – Он был с нами на встрече с Элиасом в шатре у стен Наглимунда.

Принц задумчиво кивнул. Его взгляд стал пристальным, а выражение лица непонятным.

– Остраэль... – пробормотал Джошуа. – Кажется, его так звали? – Принц несколько долгих мгновений смотрел на залитого кровью молодого воина, потом его глаза наполнились слезами, и он отвернулся.

– Иди сюда, бедняга, сюда... – сказал отец Стрэнгъярд, подходя к ним с мехом с водой.

Воды у них оставалось лишь немногим больше, чем вина, но никто не стал возражать. Вода наполнила открытый рот Остраэля и полилась по подбородку. Казалось, он не мог глотать.

– Его... схватили копатели, – сказал Деорнот. – Я уверен, что видел, как это произошло в Наглимунде. – Он почувствовал, как дрожит под его рукой плечо копейщика, услышал хриплое дыхание. – Эйдон, какие страдания, должно быть, он перенес.

Остраэль посмотрел на него, и его глаза сверкнули в тусклом свете. Его рот снова открылся.

– Помогите... – он говорил очень медленно, словно каждое следующее слово с трудом поднималось к его горлу, а потом выскальзывало изо рта. – Мне... больно, – прохрипел он. – Пусто.

– Господне Дерево, как мы можем ему помочь? – простонал Изорн. – Мы все получили ранения.

Рот Остраэля открылся, и он посмотрел вверх невидящими глазами.

– Мы можем перевязать его раны, – сказала мать Изорна Гутрун, к которой почти полностью вернулась ее обычная уверенность. – Можем дать ему плащ. А если он доживет до утра, сделаем для него еще что-нибудь.

Джошуа повернулся и снова посмотрел на молодого копейщика.

– Герцогиня, как всегда, права, – сказал принц. – Отец Стрэнгъярд, попробуйте отыскать для него плащ. Быть может, тот, кто не получил серьезных ранений, согласится...

– *Нет!* – прорычал Эйнскалдир. – Мне это не нравится.

На поляне воцарилось недоуменное молчание.

– Неужели ты пожалеешь... – начал Деорнот, а потом ахнул, когда Эйнскалдир подскочил к задышавшемуся Остраэлю, схватил его за плечи и швырнул на землю. А затем уселся на грудь молодого копейщика. В руке бородатого риммера внезапно появился длинный нож, и его лезвие, точно сверкающая улыбка, приблизилось к окровавленной шее Остраэля.

– *Эйнскалдир!* – Лицо Джошуа побледнело. – Что за безумие?

Риммер оглянулся через плечо, и на его бородатом лице появилась странная улыбка.

– Он не человек! – заявил он. – И для меня не имеет значения, где ты его видел!

Деорнот протянул руку к Эйнскалдиру, но тут же ее отдернул, когда нож риммера сверкнул возле его пальцев.

– Глупцы! – воскликнул Эйнскалдир. – *Смотрите!* – Он указал рукоятью ножа в сторону костра.

Обнаженные ноги Остраэля лежали у самого края ямы, где догорал огонь. Плоть уже почернела и дымилась, но копейщик практически спокойно лежал под риммером, и лишь его грудь продолжала вздыматься и опускаться.

Все молчали. Над поляной начал собираться туман, который принес пронизывающий до самых костей холод. Все стало каким-то странным и неотвратимым, как в кошмаре. Быть может, сбежав из Наглимунда, они оказались в лишенной дорог земле безумцев.

– Быть может, его раны... – начал Изорн.

– Идиот! Он не чувствует огня, – прорычал Эйнскалдир. – И у него рассечено горло – от такого ранения умер бы любой человек. *Вот! Посмотри!* – И он повернул голову Остраэля так, что все смогли увидеть неровные трепещущие края раны, от одного уха до другого. Отец Стрэнгъярд, который наклонился поближе, чтобы ее разглядеть, издал невнятный звук и отвернулся.

– Скажите мне, что он не призрак... – продолжал риммер, но затем его едва не отбросило на землю, когда тело копейщика стало судорожно под ним биться. – Держите его! – закричал Эйнскалдир, пытаясь отодвинуть лицо подальше от головы Остраэля, которая моталась из стороны сторону, а зубы громко стучали – он пытался укунить риммера.

Деорнот прыгнул вперед и вцепился в одну из худых рук несчастного, она оказалась холодной и твердой, как камень, но на удивление гибкой. Изорн, Стрэнгъярд и Джошуа также пытались удержать на месте извивавшееся тело. Сумрак поляны наполнился сдавленными про-

клятиями. Когда Стрэнгъярду двумя руками удалось ухватить последнюю оставшуюся свободной конечность, тело на мгновение затихло. Деорнот все еще чувствовал, как двигаются мускулы под кожей, сжимаются и расслабляются, собираясь с силами для новой попытки освободиться. Воздух с хрипом вырывался из изуродованного дурацкой гримасой рта копейщика.

Голова Остраэля приподнялась на повернутой шее, почерневшее лицо раскачивалось из стороны в сторону, казалось, он хотел их всех разглядеть. Затем, совершенно неожиданно, его глаза почернели и стали уходить внутрь. А еще через мгновение алое пламя вспыхнуло в пустых глазницах, и тяжелое дыхание стихло. Кто-то пронзительно закричал и почти сразу смолк, наступила удушающая тишина.

Казалось, липкая, могучая рука титана сжала их сердца, они почувствовали отвращение и ужас.

– *Что же,* – заговорил жуткий голос, в котором не было ничего человеческого, страшные ледяные звуки в пустынных пространствах; казалось, голос их топит в черном, не знающем преград ветре. – *Так было бы намного проще... но теперь вам не видать быстрой смерти, которая приходит во сне.*

Деорнот почувствовал, как его сердце бьется все быстрее, точно у попавшего в западню кролика – еще немного, и оно выскочит из груди. Он ощущал, как силы уходят из его рук, все еще сжимавших тело Остраэля, который когда-то был сыном Фирсфрама. Сквозь рваную рубаху Деорнот чувствовал холодную плоть, подобную могильному камню, тем не менее, жуткое существо дрожало – и казалось ужасно живучим.

– Кто ты? – спросил Джошуа, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. – И что ты сделал с этим несчастным?

Существо рассмеялось почти приятно, если бы не жуткая пустота в голосе.

– *Я ничего с ним не делал. Он был уже мертвым, конечно, ну, почти – совсем несложно находить трупы смертных в руинах твоих владений, принц мусора.*

Чьи-то ногти впивались в кожу руки Деорнота, но он не мог отвести взгляда от изуродованного лица копейщика, подобного свече, тлеющей в далеком конце длинного черного туннеля.

– Кто ты? – снова потребовал ответа Джошуа.

– *Я один из хозяев твоего замка и твоя неизбежная смерть... –* ответило существо с ядовитой серьезностью. – *И я не обязан давать ответы смертным. Если бы не пронизательный взгляд бородатого солдата, сегодня ночью вам бы всем тихо перерезали горло, что сэкономило бы нам много времени и усилий. Когда ваши бегущие души с визгом устремятся в бесконечное Между, откуда мы спаслись, это будет делом наших рук. Мы – Красная рука, рыцари Короля Бурь, – а он властелин всего!*

С шипением, вырвавшимся из рассеченного горла, тело внезапно сложилось как пружина, и в нем появилась ужасающая сила подпаленной змеи. Деорнот почувствовал, что больше не может его удерживать. Сквозь шорох догоравшего костра он слышал, как рыдает Воршева. Со всех сторон ночь наполнилась испуганными криками. Он терял контроль над телом, и в следующее мгновение Изорн оказался над ним. Вопли ужаса их спутников слились с собственной истерической молитвой Деорнота – он отчаянно просил дать ему силы...

Внезапно тело копейщика стало слабеть, однако еще некоторое время продолжало дергаться, точно умирающий угорь, пока не застыло в неподвижности смерти.

– Что?.. – только и сумел пробормотать Деорнот.

Задыхавшийся Эйнскалдир указал локтем на землю, продолжая крепко сжимать мертвое тело. Голова Остраэля, отсеченная острым ножом риммера, откатилась на расстояние вытянутой руки и оказалась на границе тени и света костра. Все ошеломленно смотрели на отсеченную голову, губы которой раздвинулись в злобной усмешке. Алый свет в глазницах померк, и они превратились в пустые колодцы. Из разбитого рта вылетел последний вздох.

– ... *Нет спасения... Норны вас найдут... Нет...* – и он замолчал.

– Клянусь архангелом... – прошептал охрипшим от ужаса голосом Тайгер, старый шут. Джошуа с трудом втянул в себя воздух.

– Нам следует похоронить жертву демона по эйдонитским правилам. – Голос принца прозвучал твердо, но ему потребовались немалые усилия, чтобы он не дрогнул. Джошуа повернулся к Воршеве, которая все еще не пришла в себя и сидела с широко раскрытыми глазами и разинутым ртом. – А потом мы должны бежать. Похоже, они продолжают нас преследовать. – Джошуа повернулся и перехватил взгляд Деорнота. – Эйдонитское погребение, – повторил принц.

– Но сначала, – тяжело дыша, сказал Эйнскалдир, по лицу которого текла кровь из длинной царапины, – я отсеку ему руки и ноги. – Он наклонился и поднял топор.

Остальные отвернулись.

Черная лесная ночь придвинулась еще сильнее.

* * *

Старый Гилсгиат шел по влажной неровной палубе своего корабля в сторону двух пассажиров в плащах с капюшонами, стоявших у поручней правого борта. Они повернулись к нему, когда он приблизился, но продолжали сжимать руками перила.

– Будь проклята эта адская погода! – прокричал капитан, стараясь перекрыть рев ветра. Люди в плащах с капюшонами ничего не ответили. – Многим предстоит отправиться в постели килп в Великой зелени сегодня ночью, – громко добавил старый Гилсгиат. Его низкий акцент эрнистирийца не вызывал сомнений, несмотря на шум парусов. – В такую погоду корабли и тонут.

Человек с более массивной фигурой откинул капюшон, он прищурил глаза, когда дождь принялся хлестать по его розовому лицу.

– Нам грозит опасность? – прокричал брат Кадрах.

Гилсгиат рассмеялся, и на его загорелом лице появилось множество морщин. Однако ветер тут же унес его смех.

– Только в том случае, если ты намерен поплавать. Мы уже рядом с Ансис Пелиппе и входом в гавань.

Кадрах повернулся, чтобы посмотреть справа по борту в клубящийся сумрак.

– Большое черное пятно – это гора Пердруин, башня Стриве, как некоторые ее называют. Мы войдем в гавань через ворота еще до наступления глубокой ночи. Если только ветер резко не переменится. Проклятие Бриниоха – какая странная погода для месяца ювен.

Маленький спутник Кадраха бросил взгляд в сторону серой пелены, за которой скрывался Пердруин, и снова опустил голову.

– В любом случае, святой отец, – прокричал Гилсгиат, – мы пришвартуемся сегодня и будем оставаться в гавани два дня. Насколько я понял, вы сойдете с корабля, ведь вы заплатили только за эту часть пути. Возможно, вы пожелаете сопроводить меня в порт, чтобы немного выпить, – если только вам не запрещает вера. – Капитан ухмыльнулся.

Все, кто проводил время в тавернах, знали: эйдонитские монахи не отказывают себе в удовольствии от крепкой выпивки.

Некоторое время брат Кадрах смотрел на трепещущие паруса, а потом обратил свой странный холодный взгляд на старого моряка. На круглом лице монаха появилась улыбка.

– Спасибо, капитан, но нет. Мы с мальчиком будем некоторое время оставаться на борту после того, как корабль войдет в порт. Он неважно себя чувствует, и я не хочу его торопить. Нам еще предстоит долгий путь до аббатства, к тому же придется подниматься в гору. – Его

маленький спутник протянул руку и схватил монаха за локоть, но Кадрах не обратил на это ни малейшего внимания.

Гилсгиат пожал плечами и поглубже надвинул на лоб бесформенную шапку.

– Тебе лучше знать, святой отец. Ты заплатил за проезд и делал свою часть работы на борту – хотя должен признать, что большая ее часть досталась твоему парню. Ты можешь уйти в любое время до того, как мы отправимся с Краннир. – Он помахал рукой с узловатыми пальцами и зашагал по скользкой палубе, на ходу добавив: – Если парень плохо себя чувствует, я бы посоветовал отправить его вниз прямо сейчас!

– Мы вышли немного подышать свежим воздухом! – крикнул ему вслед Кадрах. – Скорее всего, мы сойдем на берег завтра утром! Спасибо, добрый капитан!

Старый Гилсгиат продолжал шагать дальше и вскоре скрылся за завесой дождя и тумана, а спутник Кадраха повернулся к монаху.

– Зачем нам оставаться на борту? – потребовала ответа Мириамель, и гнев отчетливо проступил на ее красивом лице с тонкими чертами. – Я хочу поскорее покинуть корабль! Для нас важен каждый час! – Дождь промочил даже ее толстый капюшон, и выкрашенные в черный цвет волосы облепили лоб.

– Тише, миледи, тише. – На этот раз улыбка Кадраха получилась более искренней. – Конечно, мы сойдем с корабля, как только он пришвартуется, не беспокойтесь.

Мириамель не скрывала своего гнева.

– Тогда зачем ты ему сказал?..

– Потому что матросы любят болтать, и я уверен, что громче и больше всех наш капитан. У нас нет возможности заставить его молчать, не даст мне соврать святой Муирфат. Если мы ему заплатим, чтобы он помалкивал, он просто напьется быстрее и начнет говорить раньше. А так, если кто-то нас ищет, они подумают, что мы все еще на борту корабля. Может быть, они будут ждать нас возле корабля до тех пор, пока он не отправится обратно в Эрнистир. Между тем мы благополучно окажемся на берегу в Ансис Пелиппе. – Кадрах удовлетворенно прищелкнул языком.

– Вот как.

Некоторое время Мириамель молча размышляла. Она снова недооценила монаха. Кадрах оставался трезвым с того момента, как они сели на корабль Гилсгиата в Эбенгеате. Впрочем, тут не следовало удивляться: во время путешествия у него случилось несколько сильных приступов морской болезни. За его пухлым лицом скрывался хитрый ум. И вновь она задала себе вопрос – и далеко не в первый раз, – о чем Кадрах думает на самом деле.

– Я сожалею, – наконец сказала она. – Это хорошая идея. Ты думаешь, что кто-то в самом деле нас ищет?

– Мы были бы глупцами, если бы считали иначе, миледи. – Монах взял ее за локоть и повел на нижнюю палубу.

Когда она в последний раз бросила взгляд на Пердруин, он походил на огромный корабль, неожиданно появившийся посреди волнующегося океана перед их маленьким хрупким суденышком. В какой-то момент возникло большое темное пятно чуть в стороне от носа корабля; а в следующий – словно завеса тумана рассеялась, Пердруин возник перед ними, точно нос могучего судна.

Тысячи световых пятен проглядывали сквозь туман, мелких, точно бабочки, которые заставляли огромную скалу сиять в ночи. Когда грузовой корабль Гилсгиата проплывал мимо портовых строений, остров продолжал подниматься перед ними, постепенно закрывая затянутое тучами небо.

Кадрах решил, что им следует оставаться на нижней палубе, и Мириамель такой вариант вполне устраивал. Она стояла у перил, прислушивалась к крикам и смеху матросов – они сво-

рачивали паруса, – доносящимся из темноты, которую едва рассеивали фонари. Начавшуюся песню прерывал поток ругательств, и снова раздавался хохот.

Ветер в бухте под прикрытием береговых строений был уже не таким злым. Мириамель почувствовала, как диковинное тепло поднимается по ее спине к шее, и вдруг поняла, что счастлива. Она свободна и направляется туда, куда сама решила; сколько Мириамель себя помнила, с ней всегда происходило иначе.

Мириамель не была в Пердруине с самого детства, но у нее возникло ощущение, будто она возвращается домой. Ее мать Иллиса привезла сюда маленькую Мириамель, когда навещала сестру, герцогиню Нессаланту, в Наббане. Они остановились в Ансис Пелиппе, чтобы нанести визит вежливости графу Стриве. Мириамель почти ничего не запомнила от того визита – она была совсем крошкой, – если не считать доброго старика, который дал ей мандарин, а также сада с высокими стенами и выложенными плиткой дорожками. Мириамель гоняла красивую птицу с высоким хвостом, пока ее мать пила вино и смеялась с другими взрослыми людьми.

Добрый старик, вероятно, был графом, решила Мириамель. Такой сад мог позволить себе только очень богатый человек, тщательно ухоженный рай, скрытый за стенами замка. Здесь росли цветущие деревья, а в пруду, к которому выходили тропинки, плавали красивые серебристые и золотые рыбки...

Ветер в гавани набирал силу и принялся дергать ее плащ. Перила под пальцами Мириамель были холодными, и она спрятала руки под мышками.

Вскоре после визита в Ансис Пелиппе ее мать отправилась в новое путешествие, но на сей раз не взяла с собой Мириамель. То самое путешествие, в котором Джошуа потерял руку и которое стало последним для Иллисы. Элиас, едва не потерявший голос от горя, сказал маленькой дочери, что ее мать больше никогда не вернется. В своем сознании ребенка Мириамель представляла мать пленницей прелестного сада с высокими стенами, похожего на тот, где они вместе побывали в Пердруине, и она никогда его не покинет даже для того, чтобы навестить дочь, хотя та так сильно по ней скучала...

И дочь лежала без сна многие ночи после того, как горничные укладывали ее в постель, смотрела в темноту и строила планы спасения матери из цветочной темницы, расчерченной множеством выложенных плиткой тропинок...

С тех пор все шло не так. Казалось, ее отец выпил медленно действующий яд, когда умерла ее мать, ужасное средство, которое гноилось у него внутри, постепенно превращая в камень.

Где он сейчас? Чем занимается Верховный король Элиас?

Мириамель посмотрела вверх на окутанный тенями гористый остров, и на мгновение ей показалось, что ее радость уходит, – так ветер мог вырвать платок из ее руки. Даже сейчас ее отец вел осаду Наглимунда, направляя свою ужасную ярость на стены крепости Джошуа. Изгримнур, старый Тайгер, все они сражаются за свою жизнь, пока Мириамель проплывает на корабле мимо береговых огней по темной гладкой спине океана.

И кухонный мальчишка Саймон, с его рыжими волосами, неуклюжий, но с лучшими намерениями, нескрываемыми тревогами и смущением – она ощутила печаль при мысли о нем. Он и маленький тролль отправились на бездорожный север и, возможно, исчезли там навсегда.

Мириамель расправила плечи. Мысли о прежних спутниках напомнили ей о долге. Она путешествовала как ученик монаха, к тому же постоянно болеющий. Ей следовало спуститься на нижнюю палубу, ведь скоро корабль подойдет к пристани.

Мириамель горько улыбнулась. Как много обманов. Она освободилась от отцовского двора, но продолжала изображать другого человека. Как и многие печальные дети Наглимунда и Мермунда, она часто делала вид, что счастлива. Лгать было легче, чем отвечать на продиктованные благими намерениями вопросы, на которые она не знала ответов. По мере того как

отец все больше от нее отдалялся, Мириамель делала вид, будто ей все равно, хотя чувствовала, что его что-то гложет изнутри.

И где был Господь, удивлялась юная Мириамель; где был Он, когда любовь медленно превращалась в равнодушие, забота становилась обязанностью? Где был Бог, когда ее отец Элиас умолял Небеса дать ему ответы, а его дочь, затаив дыхание, слушала, стоя в тени у его покоев?

«Быть может, Он поверил в мою ложь, – с горечью думала она, спускаясь по скользкой деревянной лестнице на нижнюю палубу. – Быть может, *хотел* верить, чтобы иметь возможность заниматься более важными вещами».

Город на склоне горы был ярко освещен, а дождливая ночь совсем не испугала гуляк в масках. В Ансис Пелиппе отмечали праздник Летнего солнцестояния: несмотря на удивительно неприятную погоду, узкие извилистые улицы заполнили веселившиеся горожане.

Мириамель отступила назад, когда мимо провели полдюжины мужчин, одетых как скотские цепью обезьяны, которые постоянно спотыкались. Заметив одиноко стоявшую в закрытом дверном проеме Мириамель, пьяный актер, чей фальшивый мех слипся от дождя, повернулся, словно собирался что-то ей сказать. Но вместо этого он рыгнул, по его наполовину скрытым маской губам скользнула извиняющаяся улыбка, и он вновь обратил скорбный взгляд на мокрые камни мостовой.

Как только обезьяны скрылись из вида, рядом с ней внезапно появился Кадрах.

– Где ты был? – резко спросила она. – Ты отсутствовал почти час.

– Нет, совсем не так долго, леди. – Он покачал головой. – Я выяснял кое-какие вещи, которые могут оказаться полезными. – Он огляделся по сторонам. – Какая сегодня удивительная, шумная ночь, не так ли?

Мириамель снова потянула за собой Кадраха на улицу.

– Глядя на них, никому и в голову не придет, что на севере идет война и умирают люди, – неодобрительно сказала Мириамель. – Никто не думает, что в Наббане скоро также начнется война, а ведь он находится по другую сторону пролива.

– Конечно нет, миледи. – Кадрах тяжело дышал, стараясь не отставать и соизмерять свои более короткие шаги с быстрыми и длинными шагами Мириамель. – Обитатели Пердруина всегда старались *не знать* таких вещей. Именно благодаря этому им достаточно часто удавалось не участвовать во многих конфликтах, умудряясь поставлять оружие и продовольствие обеим воюющим сторонам, как будущим победителям, так и побежденным, получая, естественно, немалые деньги. – Он усмехнулся и стер воду с глаз. – Только ради защиты своей прибыли люди Пердруина могут принять участие в войне.

– Остается только удивляться, что никто еще не захватил этот остров. – Принцесса и сама не понимала, почему безрассудство горожан Ансис Пелиппе так ее задевает, тем не менее не могла справиться с возмущением.

– Никто не захватил? И испортил тем самым источник, из которого все пьют? – Кадрах выглядел удивленным. – Моя дорогая Мириамель... прошу прощения, дорогой, *Малахия* – я должен помнить, ведь очень скоро мы будем возвращаться в круги, где ваше настоящее имя многим знакомо, – мой дорогой Малахия, тебе нужно много узнать о нашем мире. – Он немного подождал, пока мимо не прошла еще одна группа горожан, громко споривших из-за слов какой-то песни. – Вот, – сказал монах, указывая на них, – прекрасный пример, почему то, о чем ты сейчас говорил, никогда не произойдет. Ты ведь слышал их спор?

Мириамель понижее надвинула капюшон, защищаясь от косого дождя.

– Только часть, – призналась она. – И что все это значит?

– Здесь важна не тема спора, а способ. Все они жители Пердруина, если только моим ушам не навредил рев океана – они спорили на вестерлинге.

– И что с того? – удивилась Мириамель.

– О, – Кадрах прищурился, словно выискивал что-то на хорошо освещенной и заполненной толпой улице. – Мы с вами разговариваем на вестерлинге, но, за исключением тех, кто живет в Эркинланде – да и то не всех, – больше никто не говорит на нем. Риммеры в Элвритсхолле используют риммерспак; в Эрнистире собственный язык – тут все зависит от того, где ты находишься, в Краннире или Эрнисдарке. Только в Пердруине перешли на универсальный язык вашего деда, короля Джона, и для них он стал родным.

Мириамель остановилась посреди скользкой дороги, веселившиеся горожане стали обходить ее с двух сторон. Тысячи масляных ламп устроили фальшивый рассвет над крышами домов.

– Я устала и хочу есть, брат Кадрах, и не понимаю, к чему ты ведешь, – сказала Мириамель.

– Все очень просто, – ответил Кадрах. – Пердруинцы стали такими, какие они есть, из-за того, что старались угодить – или, если выразиться более определенно, они знали, в каком направлении дует ветер, и бежали туда, так что он всегда дул им в спину. Если бы народ Эрнистира был склонен к завоеваниям, то купцы и моряки Пердруина учили бы эрнистирийский язык. «Если король хочет яблок, – как говорят в Наббане, – Пердруин посадит яблоневые сады». Никакое другое государство не будет настолько глупым, чтобы нападать на столь уступчивого друга и союзника.

– Ты хочешь сказать, что души пердруинцев можно купить? – резко спросила Мириамель. – Что они хранят верность только сильным?

Кадрах улыбнулся.

– В ваших словах я слышу презрение, миледи, но, в целом, вы сделали правильные выводы.

– Но тогда они ничуть не лучше, чем... – она осторожно огляделась по сторонам, сдерживая гнев, – ... чем шлюхи!

Обветренное загорелое лицо монаха стало холодным и отстраненным, а улыбка была почти формальной.

– Не каждый способен быть героем, принцесса, – спокойно сказал он. – Некоторые предпочитают сдаться неизбежному и утешать свою совесть даром выживания.

Мириамель подумала, что Кадрах совершенно прав, но не смогла понять, почему ощущает такую непередаваемую печаль.

Мощенные булыжником мостовые Ансис Пелиппе не только оказались мучительно кривыми, во многих местах они взбирались по выдолбленным каменным ступеням вверх по склону горы, а потом по спирали спускались вниз, переплетаясь и скрещиваясь под диковинными углами, точно змеи в корзине. Дома по обеим сторонам улиц стояли вплотную друг к другу, в большинстве окна были занавешены, словно глаза спящего человека, в некоторых горел яркий свет и гремела громкая музыка. Фундаменты зданий уходили вверх под углом, каждое сооружение не слишком надежно прикидало к склону горы так, что верхние этажи нависали над узкими дорогами. По мере того как от голода и усталости у Мириамель все сильнее кружилась голова, временами ей казалось, будто она снова оказалась среди подступающих со всех сторон деревьев леса Альдхорт.

Пердруин состоял из грозди холмов, окружавших Ста-Мирор, центральную гору. Их бугорчатые спины высились прямо над скалистыми гранями острова, выходившими на залив Эметтин. В результате силуэт Пердруина напоминал свиноматку и кормящихся у ее брюха поросят. Равнина здесь практически отсутствовала, если не считать перевалов, где высокие горы сходились друг с другом, а деревни и города Пердруина лепились к склонам этих гор, как гнезда чаек.

Даже Ансис Пелиппе, огромный морской порт и резиденция графа Стриве, был построен на крутых склонах мыса, который местные жители называли Каменным причалом. Граждане

Ансис Пелиппе могли, стоя в множестве мест на одной из принававших к горе улиц, махать своим соседям на главной улице города.

– Мне нужно что-нибудь съесть, – наконец сказала Мириамель, тяжело вздохнув.

Они стояли на перекрестке одной из петлявших улиц, откуда между двумя зданиями видели свет, озарявший затянутый туманом порт внизу. Тусклая луна, словно осколок кости, висела в небе, затянутом тучами.

– Я также готов остановиться, Малахия, – задыхаясь, сказал Кадрах.

– Как далеко отсюда до аббатства? – спросила Мириамель.

– Здесь нет аббатства, во всяком случае, мы туда не пойдем, – заявил Кадрах.

– Но ты же сказал капитану... а, вот оно что. – Мириамель покачала головой, чувствуя тяжесть влажного капюшона и плаща. – Конечно, ну и куда мы направляемся?

Кадрах посмотрел на луну и тихо рассмеялся.

– Куда захотим, друг мой. Мне кажется, в конце улицы есть приличная таверна: должен признаться, я вел нас именно в ее сторону. А вовсе не из-за того, что мне нравится взбираться по безумным горам.

– Таверна? Но почему не постоянный двор? – спросила Мириамель.

– Дело в том, уж прошу меня простить, что все это время я не думал о еде. Мне пришлось слишком много времени провести на палубе омерзительного корабля. И я стану отдыхать только после того, как утолю жажду. – Кадрах вытер рот ладонью и усмехнулся.

Мириамель не понравилось выражение его глаз.

– Но мы только что прошли мимо таверны... – начала она.

– Совершенно верно, – кивнул Кадрах. – Таверны, полной любителей рассказывать истории и тех, кто постоянно лезет в чужие дела. – Он повернулся спиной к луне и решительно зашагал вперед. – Пойдем, Малахия, мы уже совсем рядом, я уверен.

Складывалось впечатление, что во время праздника Летнего солнцестояния не существовало таверны, не переполненной посетителями. К счастью, в «Красном дельфине» они хотя бы не сидели щека к щеке, как на постоянных дворах возле порта, а только локоть к локтю. Мириамель с радостью опустилась на скамью у дальней стены, и теперь ей оставалось лишь прислушиваться к разговорам и песням. Кадрах, положив на пол свой мешок и посох, ушел, чтобы получить «Награду путешественника», но довольно быстро вернулся.

– Добрый Малахия, я совсем забыл, насколько сильно обнищал после того, как заплатил за наше морское путешествие. У тебя найдется пара монет, чтобы я, наконец, мог избавиться от жажды?

Мириамель сунула руку в кошелек и вытащила из него пригоршню медяков.

– Купи мне хлеба и сыра, – сказала она, высыпая монеты в протянутую ладонь монаха.

Пока она сидела, жалея, что не может снять мокрый плащ, чтобы отпраздновать избавление от дождя, в таверну ввалилась еще одна группа одетых в маскарадные костюмы горожан. Они стряхивали на пол воду с одежды и требовали пива. Лицо того, кто был самым громогласным, скрывали маска пса с высунутым красным языком. Пока он стучал кулаком по столу, требуя выпивки, его правый глаз загорелся, когда он заметил Мириамель. Она ощутила страх, внезапно вспомнив другую собачью пасть и огненные стрелы, летевшие сквозь лесную темноту. Однако *этот* пес быстро повернулся к своим товарищам, пошутил, закинул голову назад и захохотал так громко, что матерчатые уши маски зашевелились.

Мириамель прижала ладонь к груди, словно рассчитывала успокоить быстро бившееся сердце.

«Я не должна опускать капюшон, – напомнила она себе. – Сегодня праздничная ночь, кто станет обращать на меня внимание? Нельзя, чтобы меня узнали, – пусть такое и кажется маловероятным».

Кадрах отсутствовал неожиданно долго. Мириамель уже начала тревожиться и даже подумала, не стоит ли ей отправиться на поиски, когда он вернулся с двумя кувшинами эля в руках. Половина буханки хлеба и кусок сыра были зажаты между кувшинами.

– Сегодня можно умереть от жажды, дожидаясь пива, – заявил монах.

Мириамель жадно принялась за еду, потом сделала большой глоток эля – темного и горького. Остатки она отдала Кадраху, и тот не стал отказываться.

Когда она слизала с пальцев последние крошки и раздумывала о том, стоит ли съесть еще и пирога с голубями, на их скамейку упала тень, и они с монахом подняли глаза.

Из-под черной сутаны на них смотрело костлявое лицо Смерти.

Мириамель ахнула, а Кадрах пролил эль на свой серый плащ, но незнакомец в маске даже не пошевелился.

– Чудесная шутка, друг, – сердито сказал Кадрах, – и я тебе желаю хорошего лета. – Он принялся отряхивать мокрую одежду.

Губы незнакомца не шевелились.

– *Вы пойдете со мной*, – произнес из-за оскаленных зубов маски холодный голос.

Мириамель почувствовала, как у нее на затылке встали дыбом волосы. Только что съеденная еда превратилась в желудке в тяжелый ком.

Кадрах прищурился. Мириамель видела, как напряглись его пальцы и шея.

– И кто ты такой, шут? – спросил монах. – Если ты и в самом деле брат Смерть, то одежда у тебя должна быть получше. – Кадрах указал слегка дрожащим пальцем на рваный плащ.

– Вставайте и идите за мной, – повторило видение. – У меня есть нож. Если вы начнете кричать, все для вас закончится очень плохо.

Брат Кадрах посмотрел на Мириамель и соорудил гримасу. Они встали, и принцесса почувствовала, как у нее дрожат ноги. Смерть жестом предложил им идти вперед сквозь толпу посетителей таверны.

Мириамель размышляла о бегстве, когда у двери из толпы появились еще две фигуры. Одна в синей маске и стилизованной одежде матроса, другая нарядилась крестьянином в широкополой шляпе. Они внимательно рассматривали потрепанную одежду Мириамель и Кадраха.

В сопровождении моряка и крестьянина Кадрах и Мириамель последовали на улицу за Смертью в черном плаще. Они не прошли и трех дюжин шагов, как вся компания свернула в переулочек и по лестнице спустилась на следующую улицу. Мириамель поскользнулась на влажном после дождя камне мостовой, и ее охватил ужас, когда человек в костяной маске сжал ее локоть. Прикосновение было коротким, но она не могла вырваться и одновременно сохранить равновесие, поэтому ей пришлось страдать молча. Через мгновение они спустились с лестницы и почти сразу зашагали по другому переулочку, потом поднялись по настилу и еще раз свернули за угол.

Даже в слабом свете луны, под аккомпанемент радостных криков праздновавших горожан, доносившихся со стороны порта, Мириамель быстро перестала ориентироваться. Они шагали по узким переулочкам, как стая крадущихся кошек, периодически нырявших во дворы и заросшие кустарником проходы. Время от времени до них доносился шепот голосов из темных домов, один раз Мириамель услышала женский плач.

Наконец они добрались до двери с аркой в высокой каменной стене. Смерть вытащил из кармана ключ и отпер замок. Они прошли в заросший двор со сплетавшимися ветвями ивовых деревьев, с которых капала вода на потрескавшийся булыжник. Командир маленького отряда сделал жест ключом, а потом показал Мириамель и Кадраху, что им следует идти вперед, к темной двери.

– Мы послушно шли за вами, – шепотом сказал монах, словно также был заговорщиком. – Но какой нам смысл самим входить в ловушку. Возможно, нам стоит вступить в схватку здесь и умереть под открытым небом, если уж такова наша судьба?

Смерть молча наклонился вперед. Кадрах не спускал с него глаз, но человек в маске лишь протянул затянутую в черную перчатку руку и постучал костяшками пальцев в дверь, а потом толкнул ее внутрь. Она тут же бесшумно распахнулась на хорошо смазанных петлях.

Тусклый мягкий свет окутал дверной проем. Мириамель шагнула вперед, опередив монаха, и вошла в дом. Кадрах последовал за ней, что-то бормоча себе под нос. Смерть вошел вслед за ними и закрыл за собой дверь.

Они оказались в маленькой гостиной, освещенной только огнем за каминной решеткой и единственной свечой на столе, стоявшей на подносе рядом с графином вина. Стены покрывали тяжелые бархатные гобелены, в слабом свете разглядеть рисунок было невозможно, но Мириамель заметила водоворот разных цветов. За столом, на стуле с высокой спинкой, сидел столь же странный человек, как и те, что привели Мириамель и Кадраха: высокий мужчина в коричневом плаще из грубой шерстяной ткани, лицо которого скрывала лисья маска.

Лис наклонился вперед и сделал изящный жест пальцами в бархатной перчатке.

– Садитесь. – У него был высокий, но мелодичный голос. – Садитесь, принцесса Мириамель. Я бы встал, чтобы вас приветствовать, но изувеченные ноги не позволяют мне этого сделать.

– Безумие какое-то, – прорычал Кадрах, продолжая поглядывать на маску с черепом у себя за плечом. – Вы совершаете ошибку, сэр, – это всего лишь мальчик, мой ученик...

– Пожалуйста. – Лис сделал вежливый жест, призывая монаха к молчанию. – Пришла пора сбросить маски. Ведь ночь Летнего солнцестояния всегда так заканчивается?

Он снял лисью маску, открыв копну седых волос и морщинистое лицо немолодого человека. В его глазах отражался огонь, на губах подрагивала улыбка.

– Ну, а теперь, когда вы знаете, кто я такой... – начал он, но Кадрах его перебил.

– Мы вас не знаем, сэр, а вы нас с кем-то спутали, – заявил монах.

Старик сухо рассмеялся.

– О, брось. Возможно, мы с тобой и не встречались, мой дорогой друг, но с принцессой мы старые друзья. На самом деле однажды она была моей гостьей – очень, очень давно.

– Вы... граф Стриве? – выдохнула Мириамель.

– Совершенно верно, – кивнул граф, и тень у него за спиной вдруг стала выше. Он наклонился вперед и сжал влажную руку Мириамель в своих прятавшихся в бархате когтях. – Хозяин Пердруина. И, начиная с того момента, как ваша нога ступила на скалу, которой я правлю, также и ваш хозяин.

Глава 3. Нарушитель клятвы

В день встречи с Пастырем и Охотницей, немного позднее, когда солнце стояло высоко в небе, Саймон почувствовал себя достаточно сильным, чтобы выйти из пещеры и присесть на каменном крыльце. Он набросил угол одеяла на плечи, а потом закутался в тяжелую шерсть, чтобы защититься от холодной каменной шкуры горы. Если не считать королевских кресел в Чидсик Аб Лингите, во всем Икануке не было ничего похожего на стул.

Пастухи уже давно вывели овец из защищенных долин, где они ночевали, к подножию гор в поисках корма. Джирики рассказал Саймону, что весенние побеги, которыми обычно питались животные, практически полностью уничтожила бесконечная зима. Саймон наблюдал, как одно из стад бродит по склону далеко внизу, крошечные, точно муравьи. До него доносился тихий стук рогов – самцы выясняли, кто из них достоин стать вожаком стада.

Женщины троллей, чьи черноволосые дети сидели у них на плечах в сумках из тщательно выделанной кожи, взяли тонкие копыя и отправились на охоту в поисках сурков и других животных, чье мясо могло помочь сэкономить баранину. Бинабик часто говорил, что овцы – это истинное богатство кануков, и они съедают только тех, которые становятся слишком старыми и бесплодными.

Сурки, кролики и другие мелкие зверьки были не единственной причиной, по которой женщины троллей носили с собой копыя. Одна из шкур Нануики когда-то принадлежала снежному леопарду, чьи острые, как кинжал, когти блестели до сих пор. Вспомнив яростный взгляд Охотницы, Саймон уже не сомневался, что Нануика сама добыла этот трофей.

Но не только женщинам приходилось сталкиваться с опасностями; работа пастухов была столь же непростой, ведь драгоценных овец приходилось защищать от крупных хищников. Однажды Бинабик рассказал ему, что волки и леопарды представляли известную угрозу, но гораздо опаснее были огромные снежные медведи, самые крупные весили, как две дюжины троллей. Многие пастухи-кануки, говорил Бинабик, находили быструю и очень неприятную смерть в их лапах.

Саймон с трудом подавил дрожь от подобных мыслей. Разве он не стоял перед драконом Игьярдуком, который был больше и опаснее любого зверя?

Позднее утро сменилось полуднем, он сидел и наблюдал за жизнью Минтахока, которая проходила перед ним, одновременно суетливая и упорядоченная, как в улье. Старшие кануки, чьи годы охоты и пастушества остались позади, болтали, устроившись на крылечках своих пещер, занимались резьбой по кости и рогу, обрабатывали и шили шкуры, превращая их в самые разные вещи. Дети, слишком большие, чтобы матери носили их на спинах на охоту, играли на склонах под присмотром стариков, лазали по узким лесенкам и мостикам, не обращая ни малейшего внимания на пропасти, – несмотря на то, что тех, кто срывался, ждала неминуемая смерть. Саймон испытывал некоторый страх, глядя на их опасные развлечения, однако за весь долгий день ни один ребенок не пострадал. И, хотя многие вещи казались ему странными и дикими, он улавливал в них присутствие порядка. Жизнь здесь была стабильной и надежной, как сама гора.

Ночью Саймону вновь приснилось огромное колесо.

На этот раз как жестокая пародия на страсти по Усирису, сыну Бога. Руки и ноги Саймона были привязаны к массивному ободу, и он чувствовал себя совершенно беспомощным. Колесо переворачивало его не только головой вниз, как Усириса, висевшего на дереве, но и вращало так, что он видел лишь бесконечную пустоту темного неба. Слабое размытое сияние звезд напоминало хвосты комет. Что-то – какое-то темное, ледяное существо, смех которого был подобен пустому гудению мух, – танцевало за пределами поля его зрения, насмехаясь над ним.

Он хотел закричать, как часто случалось с ним во время таких снов, но не сумел произнести ни единого звука. Тогда он попытался освободиться, но в его руках и ногах не осталось сил. Где сейчас Бог, ведь священники утверждают, что он наблюдает за всем и всеми? Почему он отдает Саймона во власть этого жуткого мрака?

Что-то стало формироваться из бледных истонченных звезд, и сердце Саймона сжалось от ужасного предчувствия. Но из вращавшегося водоворота пустоты появился вовсе не краснотелый ужас, а маленькое серьезное личико: юная темноволосая девочка, которую он уже видел в других снах.

Она открыла рот, и Саймону показалось, что безумное вращение неба стало замедляться.

Она произнесла его имя.

Оно пришло к нему, словно по длинному темному коридору, и Саймон понял, что где-то уже видел эту девочку. Он знал ее лицо – но кто... где?..

– *Саймон*, – повторила она. Ее голос стал более внятным, в нем звучала настойчивость.

Но что-то еще старалось до него добраться – нечто близкое, находившееся совсем рядом.

Саймон проснулся.

И обнаружил, что на него кто-то смотрит. Тяжело дыша, он сел на своей постели, с тревогой вслушиваясь в тишину. Но, если не считать бесконечного пения горных ветров и слабого храпа Эйстана, завернувшегося в тяжелый плащ рядом с едва тлевшими угольками костра, в пещере было тихо.

Саймон нигде не видел Джирики. Быть может, ситхи звал его снаружи? Или это лишь сон? Саймон содрогнулся и уже решил снова накрыться с головой меховым одеялом. Дыхание тусклым облачком висело в янтарном свете у него над головой.

Нет, кто-то на самом деле ждал его у входа в пещеру. Он не знал, откуда взялась уверенность, но у него уже не оставалось ни малейших сомнений: ему вдруг показалось, что он превратился в туго натянутую струну арфы, и понял, что слегка дрожит. Да и ночь выдалась тревожной и напряженной.

Что, если кто-то *действительно* его ждет? Быть может, там находится тот, от кого ему следует спрятаться?

Но подобные мысли уже не имели значения. Саймон был уверен, что ему следует выйти из пещеры, и это желание толкало его наружу, отменяя все другие варианты.

«В любом случае, у меня ужасно болит щека, – сказал он себе. – Мне еще долго не удастся заснуть».

Саймон вытащил штаны из-под плаща – так они оставались теплыми даже холодной ночью Иканука – и, изо всех сил стараясь не шуметь, надел их, потом натянул сапоги на холодные ноги. Он подумал, не пригодится ли ему кольчуга, но отбросил эту мысль. Накинув на плечи меховой плащ, он бесшумно выскользнул мимо спавшего Эйстана наружу.

Звезды над высоким Минтахокком сияли немилосердно ярко. Саймон посмотрел вверх и поразился тому, что чувствует, как далеко они от него находятся, видит невероятную громаду ночного неба. Луна, еще не ставшая полной, низко парила над далекими пиками. Купаясь в ее застенчивом свете, на больших высотах блестел снег, но все остальное окутали тени.

Саймон опустил глаза и сделал несколько шагов вправо, в сторону от входа в пещеру – и тут его остановило глухое рычание, и на тропе перед ним появился диковинный силуэт, озаренный по краям луной, но черный в центре. Снова послышался глухой рокот, и в зеленых глазах отразился лунный свет.

В горле у Саймона перехватило, но в следующий момент он вспомнил.

– Кантака? – тихо спросил он.

Рычание сменилось повизгиванием. Волчица опустила голову.

– Кантака? Это ты? – Саймон попытался вспомнить какие-то слова на языке троллей, которые использовал Бинабик, но у него не получилось. – Ты ранена? – Саймон безмолвно выругался.

Он ни разу не вспомнил про волчицу с тех пор, как его принесли с горы дракона, хотя она была его спутником – и в некотором смысле другом.

«Какой ты эгоист!» – выругал себя Саймон.

Кто знает, что могла наделать Кантака после того, как Бинабика посадили в яму? Она потеряла друга и хозяина в точности как сам Саймон, лишившийся доктора Моргенеса. Ночь внезапно стала более холодной и пустой, полной бессмысленной жестокости мира.

– Кантака? Ты голодна? – Он шагнул вперед, и волчица отшатнулась.

Она зарычала, но Саймону показалось, что скорее от возбуждения, чем гнева. Кантака отпрыгнула назад, сияние ее серого меха стало почти невидимым, потом зарычала и помчалась прочь. Саймон последовал за ней.

Пока он шел, осторожно ступая по влажному камню тропы, ему пришло в голову, что он ведет себя глупо. Петлявшие переходы Минтахока были совсем не подходящим местом для ночных прогулок, в особенности без факела. Даже жившие здесь тролли старались этого не делать: входы в пещеры оставались темными, а тропинки пустыми. Саймону вдруг показалось, что он вышел из одного сна и тут же попал в другой – в темное путешествие под далекой и равнодушной луной.

Казалось, Кантака знала, куда направляется. Когда Саймон начинал отставать, она возвращалась, и над ее головой появлялись плюмажи ее горячего дыхания.

Но, как только он оказывался на расстоянии вытянутой руки, Кантака снова устремлялась вперед. Так, словно призрак из потустороннего мира, она уводила его все дальше от костров людей.

И только после того, как они преодолели значительное расстояние, двигаясь вдоль склона горы, Кантака вернулась к Саймону. На этот раз она не стала останавливаться, ее мощное тело врезалось в Саймона, он потерял равновесие и сел на тропу. На несколько мгновений волчица замерла над ним, опустив голову и касаясь носом его уха. Саймон протянул руку, чтобы почесать Кантаку за ушами, и даже сквозь густой мех почувствовал, что она дрожит. Еще через мгновение, словно ее нужда в утешении была исчерпана, она отпрыгнула в сторону и осталась стоять, тихонько повизгивая, пока он не поднялся на ноги, потирая бедро. Тогда Кантака снова побежала вперед, и Саймон последовал за ней.

У него возникло ощущение, что волчица провела его вокруг половины Минтахока и теперь стояла на краю огромной черноты, повизгивая от возбуждения. Саймон осторожно подошел к ней, касаясь рукой неровной скалы. Кантака нетерпеливо переступала с ноги на ногу.

Волчица стояла у края огромной ямы, которая уходила вниз от тропы в тело самой горы. Луна низко плыла по небу, словно перегруженный карак, и ее серебряный свет достигал лишь самого края ямы. Кантака гавкнула, с трудом сдерживая волнение.

К полнейшему удивлению Саймона, снизу послышался голос:

– Уходи, волчица! Теперь у меня отнимают даже сон, да проклянет все Эйдон!

Саймон опустился на колени, подполз к краю ямы и остановился только после того, как его голова нависла над черной пустотой.

– Кто здесь? – крикнул он, и ему ответило далекое эхо. – Слудиг?

Последовала пауза.

– Саймон? Это ты меня звал?

– Да! Да, я! Меня привела Кантака! Бинабик с тобой? Бинабик! Это я, Саймон!

После короткой паузы снова заговорил Слудиг, Саймон услышал напряжение в голосе риммера.

– Тролль не ответит. Он здесь, со мной, но отказывается разговаривать. С Джирики тоже, когда он сюда приходил, и ни с кем другим.

– Он заболел? Бинабик, это Саймон! Почему ты не отвечаешь?

– Я думаю, у него болит сердце, – ответил Слудиг. – Он выглядит как обычно, ну, разве что немного похудел, впрочем, я тоже, но Бинабик ведет себя так, словно он уже умер. – Снизу послышался шум, словно Слудиг или кто-то другой двигался в темноте. – Джирики говорит, что они нас убьют, – через мгновение добавил Слудиг, и в его голосе прозвучала покорность судьбе. – Ситхи просил за нас – без страсти и гнева, насколько я понял, тем не менее просил. Он сказал, что тролли не согласились с его доводами и полны решимости совершить справедливый суд – как они его понимают. – Он с горечью рассмеялся. – Странная у них справедливость: убить человека, никогда не причинявшего им вреда, а также своего соплеменника, притом что оба перенесли немало страданий ради блага всех разумных созданий – в том числе троллей. Эйнскалдир был прав. Но для моего молчаливого соседа они все адские твари.

Саймон сел и обхватил голову руками. Ветер продолжал дуть, но ему было все равно, он чувствовал свою полную беспомощность.

– Бинабик! – снова закричал он, наклонившись вперед. – Кантака тебя ждет! Слудиг страдает рядом с тобой! Никто не сможет тебе помочь, если ты сам не поможешь себе! Почему ты не хочешь со мной говорить?!

– Все бесполезно, – ответил Слудиг. – Его глаза закрыты. Он тебя не слышит и не станет говорить.

Саймон ударил ладонью по камню и выругался. А в следующее мгновение почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

– Я помогу вам, Слудиг, – наконец, сказал Саймон. – Пока еще не знаю, как, но я это сделаю. – Он поднял голову. Кантака тихонько ткнула в него носом и заскулила. – Могу я вам что-нибудь принести? Еду? Воду?

Слудиг глухо рассмеялся.

– Нет, – ответил он. – Они нас кормят, пусть и не слишком хорошо. Я бы попросил вина, но не знаю, когда они за мной придут. Я не пойду на смерть с головой, затуманенной вином. Пожалуйста, помолись за меня, Саймон. И за тролля.

– Клянусь, я сделаю больше, Слудиг. – Саймон встал.

– Ты вел себя отважно на горе, Саймон, – негромко сказал Слудиг. – Я рад, что знал тебя.

Звезды холодно мерцали над ямой, когда Саймон повернулся и зашагал обратно, стараясь держать спину прямо и не плакать.

Некоторое время он шагал в свете луны, погружившись в печальные мысли, пока не сообразил, что снова следует за Кантакой. Волчица, которая кружила вокруг ямы, пока он беседовал со Слудигом, теперь целеустремленно трусила по тропе перед ним. Она ни разу не дала ему догнать себя, как и когда они спешили к яме с пленниками, и ему ничего не оставалось, как стараться не отставать.

Лунный свет был достаточно ярким, чтобы Саймон видел, куда он ставит ноги, а тропа была достаточно широкой, чтобы он сумел устоять на ногах, если споткнется. И все же он чувствовал себя ужасно слабым. Не раз ему казалось, что следует просто сесть и дожидаться наступления рассвета, чтобы кто-нибудь его нашел и проводил до пещеры, но Кантака бежала вперед, полная волчьей решимости. Саймон чувствовал, что должен следовать за ней, отдавая должное ее верности Бинабику.

Вскоре он с нарастающей тревогой понял, что они поднимаются вверх над основной тропой и теперь двигались по более узкой и крутой тропинке. Волчица вела его все выше и выше, и они пересекли несколько горизонтальных дорожек. Воздух становился все более разряженным. Саймон понимал, что он поднялся не так уж сильно, и это ощущение возникло у него

из-за усталости, тем не менее чувствовал, что покидает безопасную часть горы. Теперь звезды казались заметно ближе.

«Интересно, – подумал он, – может быть, холодные звезды – это пики других, бесконечно далеких безмолвных гор, чьи огромные тела теряются в темноте, а покрытые снегом вершины сияют отраженным светом луны?» Но нет, это глупо. На чем тогда они стоят, к тому же они были бы видны днем, в ярком солнечном свете?

На самом деле воздух здесь, наверное, был не таким уж разреженным, но холод совершенно определенно усиливался, несомненный и пробиравший до самых костей, несмотря на тяжелый теплый плащ. Дрожа, Саймон решил, что сейчас развернется и пойдет обратно к главной тропе и не станет интересоваться, почему Кантака находит столь привлекательным такое времяпрепровождение в лунном свете. Но через мгновение обнаружил, что последовал за волчицей на узкий карниз горного склона.

Над большой черной расселиной нависало скалистое крыльцо, покрытое пятнами тускло сиявшего снега. Кантака пробежала вперед, остановилась и стала принахиваться. Потом повернулась к Саймону, склонив набок косматую голову, вопросительно гавкнула и скользнула в темноту. Саймон решил, что в тени должен быть вход в пещеру. Но стоило ли ему следовать за ней – одно дело позволить Кантаке увлечь его на глупую прогулку по склону горы, и совсем другое – идти за ней в темную пещеру посреди ночи, но тут из теней появились три маленькие черные фигуры, напугав Саймона так сильно, что он едва не отступил назад с каменного крыльца.

«Копатели!» – с ужасом подумал он, пытаясь отыскать на голых камнях хоть какое-то оружие.

Один из них шагнул вперед, подняв вверх тонкое копьё, словно предупреждая, и Саймон понял, что перед ним тролли, – они были заметно крупнее, чем подземные буккены, и теперь Саймон смог их как следует разглядеть – но его все равно охватил страх. Эти кануки были невысокими, но хорошо вооруженными, а Саймон – чужак, бродящий в ночи, возможно, в каком-то священном месте.

Ближайший тролль откинул назад отороченный мехом капюшон, и бледный лунный свет озарил лицо молодой женщины. Саймон не смог разглядеть черты ее лица, видел лишь белки глаз, но не сомневался, что на нем застыло яростное и очень опасное выражение. Двое спутников женщины шагнули вперед вслед за ней, они что-то негромко, но сердито бормотали. Саймон сделал шаг назад, к тропе, осторожно нащупывая ногой опору.

– Прошу прощения, я уже ухожу, – сказал Саймон, в последний момент сообразив, что они могут его не понять.

Саймон выругал себя за то, что не попросил Бинабика или Джирики научить его языку троллей. Постоянные и неизменно запоздалые сожаления! Неужели он навсегда так и останется олухом? Как же он от этого устал. Пусть им будет кто-то другой.

– Я ухожу, – повторил он. – Я просто следовал за волчицей. Следовал... за... волчицей. – Он говорил медленно, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно, хотя у него перехватило в горле. Немного непонимания, и ему придется вытаскивать копьё из собственного живота.

Женщина-тролль наблюдала за ним, потом что-то сказала одному из своих спутников. Тот сделал несколько шагов в сторону находившегося в тени входа в пещеру. Кантака угрожающе зарычала откуда-то из темноты, и тролль быстро отступил.

Саймон сделал еще один шаг назад, к тропе. Тролли молча смотрели на него, их маленькие фигурки оставались напряженными, но они не пытались напасть. Он медленно повернулся к ним спиной, потом осторожно спустился обратно на тропу, которая вела среди серебристых скал. Очень скоро три тролля, Кантака и таинственная пещера скрылись из вида у него за спиной.

Саймон в одиночестве спускался вниз в дремотном лунном свете. Примерно посередине главной дороги ему пришлось присесть, опираясь локтями на дрожавшие колени. Он знал, что его изнеможение и даже страх со временем пройдут, но не мог представить, что исцелит накопившееся на него чувство одиночества.

* * *

– Я искренне сожалею, Сеоман, но сделать ничего нельзя. Вчера ночью Реника, звезда, которую мы называем Летний Фонарь, появилась над горизонтом после заката. Я слишком сильно здесь задержался. Мне пора уходить.

Джирики сидел, скрестив ноги, на большом крыльце перед пещерой и смотрел на долину, над которой клубился туман. В отличие от Саймона и Эйстана, он не носил тяжелой одежды, и ветер играл рукавами его блестящей рубашки.

– Но что мы будем делать с Бинабиком и Слудигом? – спросил Саймон и швырнул камень в пропасть, наполовину надеясь, что тот попадет в какого-нибудь скрытого туманом тролля. – Их убьют, если ты ничего не предпримешь!

– Я в любом случае ничего не могу сделать, – тихо сказал Джирики. – Кануки имеют право творить собственную справедливость. Я не могу вмешаться и сохранить честь.

– Честь? Плевать на честь, Бинабик даже говорить отказывается! Как он может себя защитить!

Ситхи вздохнул, но его ястребиное лицо оставалось невозмутимым.

– Быть может, защиты не существует. Быть может, Бинабик знает, что причинил вред своему народу, – сказал Джирики.

Эйстан презрительно фыркнул.

– Мы даже не знаем, в чем вина маленького тролля, – сказал он.

– Мне сказали, что речь идет о нарушении клятвы, – кротко ответил Джирики и повернулся к Саймону. – Я должен уходить, Сеоман. Новость о том, что охотники королевы норнов атаковали зида'я, очень сильно огорчила мой народ. Они хотят, чтобы я вернулся домой. Нам нужно многое обсудить. – Джирики убрал с глаз прядь волос. – Кроме того, мой соплеменник Ан'наи умер и похоронен в Урмшейме, и ответственность легла на меня. Его имя необходимо со всеми церемониями внести в Книгу Ежегодного Танца. Я из всего моего народа менее всего могу уйти от своих обязательств. Ведь Джирики и Са'онсерей, и никто другой, привел Ан'наи к месту его смерти – в его гибели и в том, что он отправился с нами, во многом виноват я и мое упрямство. – Голос ситхи стал более жестким, и он сжал смуглые пальцы в кулак. – Неужели вы не понимаете? Я не могу отвергнуть жертву Ан'наи.

Саймон был в отчаянии.

– Я ничего не знаю о твоей Книге Танца, но ты сказал, что нам позволят говорить в пользу Бинабика! Они тебе обещали!

Джирики опустил голову.

– Да. Пастырь и Охотница дали свое согласие.

– Ну и как мы сможем это сделать, если тебя не будет с нами? – спросил Саймон. – Мы не говорим на языке троллей, а они не понимают наш.

Саймону показалось, что на невозмутимом лице ситхи промелькнуло замешательство, но оно исчезло так быстро, что уверенности у него не было. Джирики не стал отводить в сторону взгляда своих золотых глаз, и несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга.

– Ты прав, Сеоман, – медленно заговорил Джирики. – Честь и наследие часто входили в противоречие и прежде, но никогда так жестко. – Он опустил голову и посмотрел на свои руки, потом медленно поднял глаза к серому небу. – Ан'наи и моя семья должны меня простить.

J'asupra-peroihin! В Книгу Ежегодного Танца должно быть внесено мое бесчестье. – Он сделал глубокий вдох. – Я останусь до тех пор, пока Бинабик из Иканука не предстанет перед судом.

Саймону следовало бы испытать возбуждение, но он ощутил лишь пустоту. Даже смертный видел, какие страдания испытывает принц ситхи: Джирики принес страшную жертву, смысла которой Саймону было не дано понять. Но что еще он мог сделать? Они застряли здесь, на высокой скале, вдали от остального мира, и оставались пленниками – по меньшей мере пленниками обстоятельств. Они оказались невежественными героями, друзьями нарушителей клятвы...

По спине Саймона пробежал холодок.

– Джирики! – воскликнул он и замахал руками, словно на него снизошло озарение.

Сработает ли его идея? И если да, то поможет ли она?

– Джирики, – повторил Саймон уже заметно спокойнее. – Кажется, мне удалось придумать, как нам помочь Бинабику и Слудигу.

Эйстан, услышавший напряжение в голосе Саймона, положил на пол пещеры палку, которую обстругивал, и наклонился вперед. Джирики выжидательно приподнял бровь.

– Ты должен сделать только одну вещь, – сказал Саймон. – Ты должен пойти со мной на встречу с королем и королевой – Пастырем и Охотницей.

После того как они побеседовали с Нануикой и Уамманаком, и им удалось получить их неохотное согласие, Саймон и Джирики в горных сумерках вернулись обратно из Дома предков. На губах ситхи играла легкая улыбка.

– Ты продолжаешь меня удивлять, юный Сеоман, – сказал Джирики. – Это очень смелый ход. Я понятия не имею, поможет ли он твоему другу, но в любом случае начало положено.

– Они бы никогда не согласились, если бы ты их не попросил, Джирики. Благодарю тебя.

Ситхи сделал сложный жест длинными пальцами.

– Уважение между зида'я и некоторыми Детями заката, главным образом, эрнистирийцами и кануками, до сих пор остается очень хрупким. Пять последних тяжелых столетий не смогли полностью зачеркнуть тысячелетия достойных отношений. И все же многое изменилось. Вы, смертные, дети Лингит, как говорят тролли, сейчас имеете огромное влияние. Мир больше не принадлежит моему народу. – Его рука потянулась к Саймону, и он на ходу легко коснулся его плеча. – Кроме того, существует связь между тобой и мной, Сеоман. Я о ней не забыл.

Саймон, едва поспевавший за бессмертным, не нашел, что ему ответить.

– Я прошу лишь о том, чтобы ты понял одну вещь: наш народ стал очень малочисленным. Ты спас мне жизнь – на самом деле дважды, к моему огромному огорчению, – но мои обязательства перед собственным народом заметно перевешивают ценность моего собственного существования. Есть вещи, которые не могут исчезнуть, как бы ты того ни хотел, юный смертный. Я надеюсь на спасение Бинабика и Слудига, конечно... но я зида'я. Я должен рассказать о том, что случилось на горе дракона: о предательстве приспешников Утук'ку и смерти Ан'наи.

Джирики внезапно остановился и повернулся к Саймону. В фиолетовом вечернем сумраке, с развевающимися белыми волосами, он был похож на духа диких гор. На мгновение Саймон увидел в глазах Джирики его огромный возраст и почувствовал, что сейчас почти может объять необъятное: поразительную продолжительность жизни ситхи, годы их истории, подобные песчинкам на пляже.

– Не все заканчивается легко и просто, Сеоман, – медленно проговорил Джирики, – даже если я уйду. Мудрость, не имеющая отношения к магии, подсказывает мне, что мы еще встретимся. Долги зида'я уходят в далекую темноту. Они уносят с собой легенды. И именно таков мой долг тебе. – Джирики вновь сделал пальцами странный знак, потом засунул руку под тонкую рубашку и извлек плоский круглый предмет.

– Ты уже видел его прежде, Сеоман, – продолжал принц. – Это мое зеркало, чешуйка Великого Червя, как гласит легенда.

Саймон взял зеркало с протянутой ладони ситхи, восхищаясь его удивительной легкостью. Резная рамка была прохладной в его руке. Однажды он увидел в нем Мириамель, в другой раз Джирики показал ему лесной город Энки-э-Шао'сэй. Но сейчас в сумрачном вечернем свете на Саймона смотрело лишь его собственное серьезное лицо.

– Я отдаю его тебе. Оно было талисманом моей семьи с тех пор, как Дженджияна Соловей ухаживала за ароматными садами в тени Сени Анзи'ин. Но вдали от меня оно будет всего лишь зеркалом. – Джирики поднял руку. – Впрочем, не совсем так. Если тебе потребуется поговорить со мной или тебе будет необходима моя помощь – *истинная помощь*, – обратиться к зеркалу. Я все услышу и узнаю. – Джирики с суровым видом наставил палец на Саймона. – Но не вздумай призывать меня ради облачка дыма, как говорится в одной из ваших легенд о гоблинах. У меня нет магических умений. Я даже не могу обещать, что обязательно приду. Но, если я услышу о твоих проблемах, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь. У зида'я есть некоторое количество друзей, даже в новом дерзком мире смертных.

Некоторое время губы Саймона шевелились, но он не смог ничего сказать.

– Благодарю тебя, – наконец сумел заговорить он, маленькое зеркало вдруг показалось ему очень тяжелым. – Благодарю.

Джирики улыбнулся, показав полоску белых зубов. Теперь он вновь выглядел молодым, как в те моменты, когда находился среди своих соплеменников.

– И у тебя есть кольцо. – Он указал на другую руку Саймона, на тонкую золотую полоску со знаком рыбы. – Кстати, о гоблинах, Сеоман, Белая стрела, черный меч, золотое кольцо и видящее зеркало ситхи... ты настолько нагружен замечательной добычей, что будешь звенеть при ходьбе! – Принц рассмеялся, и его смех был подобен музыкальной трели.

Саймон посмотрел на кольцо, которое Моргенес сумел спасти из своих горящих покоев, отправив его с птицей Бинабику, что стало одним из последних деяний доктора. Кольцо потемнело от масла с перчаток Саймона, но плотно сидело на его смуглом от грязи пальце.

– Я все еще не знаю, что означает надпись на нем, – сказал он, потом, повинуясь импульсу, снял кольцо и протянул ситхи. – Бинабик также не смог ее прочесть, сказал лишь, что она как-то связана с драконами и смертью. – Внезапно у Саймона появилась идея. – Быть может, оно помогает своему владельцу убивать драконов?

Эта мысль показалась ему странно неприятной, к тому же он ведь не сумел прикончить ледяного червя. Возможно, дело было в каком-то волшебном заклинании? По мере того как к нему возвращались силы, Саймон все больше и больше гордился своей смелостью при встрече с ужасным Игьярдуксом.

– То, что произошло на Урмшейме, останется между тобой и древним дитя Хидохеби, Сеоман. Тут нет никакой магии. – Улыбка Джирики исчезла, и он серьезно покачал головой, возвращая кольцо Саймону. – Но я не могу больше ничего тебе сказать о кольце. Если такой мудрый человек, как Моргенес, не оставил никаких разъяснений, когда отправил его тебе, мне тоже не следует ничего говорить. Я и без того обременил тебя лишними знаниями за наше короткое знакомство. Даже самые отважные смертные не выдерживают, когда узнают слишком многие истины.

– Но ты можешь прочесть, что там написано? – спросил Саймон.

– Да. Надпись сделана на одном из языков зида'я, хотя, что особенно странно для бездельюшки смертных, одним из самых неясных. Но одно я тебе скажу. Если я правильно понял смысл надписи, она тебя не касается напрямую, и ее знание никак тебе не поможет.

– И это все, что ты можешь мне сказать? – пробормотал Саймон.

– Во всяком случае, сейчас. Быть может, если мы встретимся еще раз, я буду лучше понимать, почему тебе вручили это кольцо. – На лице ситхи появилась тревога. – Удачи тебе, Сеоман. Ты необычный юноша – даже для смертного...

И тут они услышали крик Эйстана, который, чем-то размахивая, поднимался по тропинке. Он поймал снежного зайца и радостно сообщил, что огонь уже готов, чтобы его приготовить.

Несмотря на приятную тяжесть в животе после приготовленного с травами мяса, Саймон долго не мог уснуть. Он лежал на соломенном тюфяке, смотрел на мерцавшие на потолке красные тени и размышлял о том, что с ним произошло, и безумных событиях, в самом центре которых оказался.

«Я попал в историю вроде тех, что рассказывал Шем, – или это История, о которой говорил доктор Моргенес?.. Но никто меня не предупредил, как это ужасно – оказаться в центре событий и не знать, чем все закончится».

Наконец он заснул, но через некоторое время неожиданно проснулся. Эйстан крепко спал и как обычно храпел, то и дело вздыхая, в бороду. Джирики нигде не было, и каким-то непостижимым образом диковинная пустота пещеры сказала Саймону, что ситхи ушел и сейчас спускается по склону горы, чтобы вернуться домой.

На Саймона вдруг накатило горькое чувство одиночества, несмотря на присутствие стражей, чье ворчание он слышал неподалеку, и он вдруг обнаружил, что плачет. Он постарался делать это тихо, стыдясь своей слабости, недостойной настоящего мужчины, но ничего не мог с собой поделать.

Саймон и Эйстан пришли в Чидсик Аб Лингит, как сказал им Джирики, за час до рассвета. Мороз усилился, пустые лесенки и веревочные мосты раскачивались на холодном ветру, каменные тропинки стали еще опаснее из-за того, что во многих местах их покрывала тонкая наледь.

Саймон с Эйстаном пробирались сквозь толпу болтавших о чем-то своем троллей, и Саймон тяжело опирался о локоть своего товарища, одетого в меховой плащ. Он плохо спал после того, как обнаружил, что ситхи ушел, засыпая и просыпаясь, и его сны наполняли образы мечей и притягивавшее его необъяснимое присутствие маленькой темноглазой девочки.

Тролли вокруг них выглядели так, будто что-то праздновали, шеи многих украшали ожерелья из резной кости и клыков, черные волосы удерживали наверху гребни из черепов птиц и рыб. Мужчины и женщины передавали друг другу мехи с каким-то высокогорным горячительным напитком, смеялись и размахивали руками. Эйстан посматривал на них с мрачным видом.

– Я уговорил одного из них дать мне глотнуть этой дряни, – сказал он. – Вкус у нее, как у лошадиной мочи. Я бы все отдал за каплю красного пердруинского.

В центре комнаты, внутри канавки с незажженным маслом, Саймон и Эйстан увидели четыре изящно вырезанные из кости табуретки с затянутыми шкурами сиденьями, стоявшие лицом к пустому помосту. Поскольку пришедшие сюда тролли устраивались по всей пещере, но даже близко не подходили к табуреткам, Саймон и Эйстан решили, что две из четырех предназначены для них. Как только они уселись, жители Иканука, собравшиеся вокруг них, одновременно встали. И тут же возник странный звук, который отражался от стен, – громкая торжественная песнь, непонятные слова на языке кануков, точно обломки бревен на поверхности штормового моря, всплывали на поверхность и снова исчезали за равномерными стонами. Это был диковинный и очень неприятный звук.

На мгновение Саймону показалось, что песнопение имеет какое-то отношение к их с Эйстаном появлению, но тролли не сводили темных глаз с двери в стене.

Наконец она открылась, но из нее появились не правители Иканука, как ожидал Саймон, а гораздо более экзотическое существо, чем собравшиеся в пещере тролли. Оно тоже принадлежало к их племени, по крайней мере, было такого же размера. Маленькое мускулистое тело в сшитой из шкур юбке с бахромой блестело от масла в свете ламп, лицо скрывала маска, сделанная из черепа барана, искусная резьба превратила кость в изысканную филигрань, белую сеть, прикрывавшую черные дыры глаз. Два огромных изогнутых рога, полых почти до прозрачности, были прикреплены к плечам. Мантия из белых и желтых перьев и ожерелье из кри-вых черных когтей на шее дополняли картину.

Саймон не понимал, кто это – священник, танцор или герольд, возвещающий о появлении королевской пары. Когда необычное существо топнуло блестевшей в свете ламп ногой, тролли дружно и радостно взревели. Когда прикоснулось к концам рогов, а затем подняло ладони к небу – одновременно вскрикнули и возобновили пение. Довольно долго диговин-ный тролль бегал и прыгал по приподнятому помосту, глубоко погрузившись в свое занятие, подобно мастеру, исполняющему торжественный ритуал. Наконец он остановился и как будто прислушался. Собравшиеся в пещере тролли замолчали, а в дверях появилось еще четыре фигуры – три тролля и одна, возвышавшаяся над ними.

Бинабика и Слудига вывели вперед, и стражи-тролли встали по обеим сторонам, приставив к спинам пленников острые концы копий. Саймон уже собрался вскочить и закричать, но широкая ладонь Эйстана опустилась на его плечо, заставив остаться на табурете.

– Успокойся, приятель. Они придут сюда. Подожди их. Мы не станем устраивать представление для этих отбросов.

Саймон заметил, что тролль и светловолосый риммер заметно похудели по сравнению с тем, какими были, когда он видел их в последний раз. Кожа на лице Слудига с кустистой бородой стала розовой и облезла, как будто он слишком много времени находился на солнце. Бинабик стал заметно бледнее, чем раньше, его когда-то смуглая кожа обрела цвет овсяной каши, а глаза, очерченные темными кругами, запали.

Они шли медленно: тролль, опустив голову, Слудик с вызовом оглядывался по сторонам, а когда увидел Саймона и Эйстана, мрачно улыбнулся. Они перешагнули через ров во внутренний круг, риммер похлопал Саймона по плечу и застонал от боли, когда один из стражей у него за спиной уколол его руку острием копья.

– Жаль, что у меня нет меча, – прошептал Слудик, потом шагнул вперед и осторожно опустился на один из табуретов.

Бинабик уселся в дальнем конце ряда. Он так и не поднял глаз на своих друзей.

– Тут будет недостаточно мечей, друг, – прошептал Эйстан. – Они маленькие, но крепкие – и ты посмотри, сколько их здесь, да проклянет их Усирис!

– Бинабик! – быстро проговорил Саймон, наклонившись к другу через Слудига. – Бинабик! Мы пришли, чтобы говорить в твою защиту!

Троль поднял голову, и на мгновение Саймону показалось, будто он собрался что-то сказать, но глаза Бинабика оставались темными и какими-то далекими. Он едва заметно покачал головой и снова опустил глаза на пол пещеры, а Саймон почувствовал, как его охватывает ослепительная ярость. Бинабик должен был сражаться за свою жизнь, а вместо этого сидел, словно старый рим, тягловая лошадь, дожидаясь смертельного удара.

Нараставшее гудение возбужденных голосов внезапно стихло, когда в дверях появились и медленно двинулись вперед Нануика Охотница и Уамманак Пастырь, в полном церемониальном облачении из меха, резной кости и гладко отполированных камней. За ними бесшумно шла в мягких сапожках молодая женщина-троль, в ее огромных глазах застыло холодное выражение, губы были плотно сжаты. Незнакомка села перед королевской четой, одной ступенькой ниже. Резвившийся в самом начале герольд – или кем он там являлся, Саймон так и не смог решить – засунул тонкую восковую свечу в один из маленьких светильников на стене, затем

поднес ее ко рву с маслом, и оно тут же ослепительно вспыхнуло. Через мгновение дым потянулся к окутанному тенями потолку пещеры, а Саймона и его товарищей окружило кольцо пламени.

Пастырь наклонился вперед, поднял кривое копье и направил его в сторону Бинабика и Слудига. Когда он заговорил, собравшиеся в пещере тролли снова запели, но всего несколько слов, и замолчали, однако Уамманак продолжал говорить. Его жена и молодая женщина смотрели прямо перед собой. Глаза Охотницы показались Саймону пронзительно недоброжелательными. Понять отношение девушки к происходящему было труднее.

– Как странно, Саймон, – заговорил Бинабик, по-прежнему не поднимая глаз.

Голос друга показался Саймону прекрасным, как пение птиц или стук дождя по крыше. Он знал, что его рот расплылся в дурацкой улыбке, но ему было все равно.

– Мне кажется, – продолжал Бинабик скрипучим от долгого молчания голосом, – что ты и Эйстан являетесь гостями моих хозяев, и я должен превратить происходящее в понятную вам речь, поскольку здесь больше никто не говорит на наших языках.

– Мы не сможем выступить в твою защиту, если они нас не поймут, – тихо сказал Эйстан.

– Мы тебе поможем, Бинабик, – решительно заявил Саймон. – Но от твоего молчания никому не будет никакой пользы.

– Как я уже говорил, все невероятно странно, – прохрипел Бинабик. – Меня обвиняют в бесчестии, однако ради сохранения чести я должен переводить слова о своих преступлениях чужакам, поскольку они являются почетными гостями. – В уголках его губ появился намек на мимолетную улыбку. – Высокоцитимый гость, убивший дракона и вмешивающийся в дела других людей, – почему-то я чувствую, что к происходящему сейчас ты приложил руку, Саймон. – Он на мгновение прищурился, потом выставил короткий толстый палец, как будто хотел прикоснуться к лицу Саймона. – У тебя появился шрам, говорящий о твоей храбрости, друг.

– Что ты сделал, Бинабик? Или что *они* думают, будто ты сделал?

Улыбка маленького тролля погасла.

– Я нарушил клятву.

Нануика что-то резко сказала, Бинабик поднял голову и кивнул.

– Охотница говорит, у меня было достаточно времени, чтобы все вам объяснить. Теперь пришла пора вытащить на свет мои преступления, чтобы подвергнуть их изучению.

Когда Бинабик заговорил на вестерлинге, все стало происходить гораздо быстрее. Иногда казалось, будто он повторяет услышанное слово в слово, порой передавал длинную речь несколькими быстрыми предложениями. Хотя к нему, казалось, вернулась часть так знакомой Саймону энергии, когда он начал переводить, не вызвало сомнений, что он оказался в смертельно опасном положении.

– Бинабик, ученик Поющего, великого Укекука, ты обвиняешься в нарушении клятвы. – Уамманак Пастырь наклонился вперед и принялся нервно теревать жидкую бородку, как будто происходящее выводило его из состояния равновесия. – Ты будешь это отрицать?

После того как Бинабик закончил переводить его слова, наступило долгое молчание, потом он отвернулся от своих друзей и посмотрел на правителей Иканука.

– Нет, я не буду отрицать, – сказал он наконец. – Однако расскажу вам всю правду, если вы согласитесь ее выслушать, Самый Зоркий и Уверенный правитель.

Нануика откинулась на подушки кресла.

– Для этого еще будет время. – Она повернулась к мужу. – Он не отрицает своего преступления.

– Итак, – тяжело проговорил Уамманак. – Бинабику выносятся обвинения. А ты, кружок... – он повернул круглую голову в сторону Слудига, – *ты* принадлежишь к расе разбойников, с незапамятных времен нападавших и убивавших представителей нашего народа.

Никто не станет отрицать то, что ты являешься риммером, поэтому обвинение в твой адрес остается неизменным.

Когда Бинабик перевел слова Пастыря, Слудиг собрался что-то сердито возразить, но Бинабик поднял руку, заставив его замолчать, и тот послушался, удивив Саймона.

– Похоже, между старыми врагами не может быть настоящего правосудия, – пробормотал северянин Саймону, и ярость на его лице сменило хмурое выражение, наполненное печалью. – Однако у некоторых троллей было меньше шансов, когда они попадали в руки к моим соплеменникам, чем у меня здесь.

– Пусть говорят те, у кого есть причины выдвинуть обвинения, – сказал Уамманак.

В пещере повисла напряженная, выжидательная тишина. Герольд выступил вперед, и его ожерелья зазвенели на ветру. С неприкрытым презрением он посмотрел на Бинабика сквозь отверстия в черепе барана, скрывавшем голову, потом поднял руку и заговорил низким суровым голосом:

– Канголик, Призывающий Духов, заявляет, что Поющий Укекук не пришел в Последний день зимы к Ледяному дому, хотя это является законом нашего народа с тех самых пор, как Седда подарила нам горы. – Бинабик переводил, и в его голосе появились такие же неприятные нотки, что и у обвинителя. – Канголик говорит, что Бинабик, ученик Поющего, также не явился к Ледяному дому.

Саймон почти ощущал потоки ненависти, соединившие его друга и тролля в маске, и понял, что между этими двоими существует вражда или давние разногласия.

– Поскольку ученик Укекука не исполнил свой долг, – продолжал Призывающий Духов, – чтобы пропеть Ритуал призыва весны, Ледяной дом так и не растаял. А раз он по-прежнему стоит на своем месте, зима не покинет Иканук. Предательство Бинабика приговорило его народ к тяжелым, холодным временам, лето не наступит, и многие его соплеменники умрут. Канголик объявляет Бинабика нарушителем клятвы.

По пещере прокатился сердитый шепот. Призывающий Духов присел на корточки еще прежде, чем Бинабик закончил переводить его слова на вестерлинг.

Нануика медленно, словно исполняя ритуал, обвела взглядом присутствующих.

– Кто-нибудь еще хочет выдвинуть обвинение против Бинабика?

Неизвестная молодая женщина, про которую Саймон почти забыл, охваченный ужасом от слов Канголика, медленно поднялась на верхней ступеньке, скромно опустила глаза и заговорила очень тихо, но ее речь заняла всего несколько мгновений.

Бинабик не сразу объяснил, что она сказала, хотя по пещере прокатился громкий взволнованный шепот. На лице Бинабика появилось выражение, которого Саймон никогда прежде не видел: полное и абсолютное горе. Бинабик не сводил с молодой женщины мрачного взгляда, как будто стал свидетелем жуткого события, должен его запомнить, а потом рассказать другим.

Когда Саймон уже решил, что Бинабик снова замолчал, на сей раз навсегда, тролль заговорил – ровным голосом, словно сообщал о старой и теперь уже не имевшей значения ране.

– Сисквинанамук, младшая дочь Нануики Охотницы и Уамманак Пастыря, также объявляет Бинабика из Минтахока виновным. И, хотя он поставил свое копьё перед ее дверью, когда девять раз прошло девять дней и наступил назначенный день свадьбы, оказалось, что он уехал. Бинабик не прислал никакого известия или объяснения. Когда он вернулся в наши горы, он не пришел в дом своего народа, а вместе с крухоком и атку отправился в запретные горы Ийджарджук. Он навлек позор на Дом предков и свою бывшую невесту. Сисквинанамук считает его нарушителем клятвы.

Словно громом пораженный, Саймон не сводил глаз с несчастного лица Бинабика, монотонно переводившего слова бывшей невесты. Он собирался жениться! Все то время, что они с маленьким троллем, сражаясь, пробирались к Наглимунду, а потом шли по Белой Пустоши,

Бинабика ждали дома, чтобы он исполнил свою брачную клятву. Он был помолвлен с дочерью Охотницы и Пастыря! Но ни разу даже не намекнул на это!

Саймон присмотрелся к девушке, выдвинувшей обвинение против его друга. Сисквина-наму, хотя и казалась такой же маленькой, по представлениям Саймона, как остальные ее соплеменники, на самом деле была немного выше Бинабика. Ее блестящие волосы, заплетенные в две косы, соединялись под подбородком в одну толстую косу, украшенную голубой лентой. У нее почти не было украшений, особенно в сравнении с ее поразительной матерью, Охотницей. Лоб Сисквинанамук украшал лишь один синий камень, который держался на тонком кожаном ремешке черного цвета.

Смуглые щеки Сисквинанамук покраснелись, и, хотя ее взгляд затуманивал гнев или страх, Саймон почувствовал, что она обладает сильной волей, видел, как с вызовом сжата ее челюсть, а в глазах застыло суровое выражение – не такое холодное и безжалостное, точно острый клинок, как у ее матери, но не вызывало сомнений, что она приняла решение. На мгновение Саймон посмотрел на нее, как на женщину из своего народа – обладающую не мягкой и податливой красотой, а привлекательную и умную, чье расположение совсем не просто завоевать.

Неожиданно что-то мимолетное в чертах ее лица подсказало Саймону, что именно она стояла перед входом в пещеру Кантаки прошлой ночью и угрожала ему копьем! И он понял, что она, как и ее мать, является охотницей.

Бедный Бинабик! Завоевать привязанность Сисквинанамук наверняка было нелегко, но, похоже, ему это удалось. Однако ум и решительность, которыми наверняка так восхищался Бинабик, теперь обернулись против него.

– Я совершенно согласен с Сисквинанамук, дочерью Дома Луны, – наконец проговорил Бинабик. – То, что она вообще приняла копье недостойного ученика Поющего, стало для меня потрясением.

Сисквинанамук поджала губы, услышав его слова, словно от отвращения, но Саймону ее презрение не показалось достаточно убедительным.

– Меня переполняет величайший стыд, – продолжал Бинабик. – Девять раз девять ночей мое копье стояло перед дверью Сисквинанамук. Я не пришел, чтобы заключить брак, когда эти ночи подошли к концу. Я не знаю слов, которые могли бы исправить причиненный мной вред или хоть как-то меня оправдать. Мне пришлось сделать выбор, как часто бывает, когда мы проходим по Дороге Становления и превращаемся в мужчин и женщин. Я находился в чужой стране, а мой наставник умер. Я принял решение, и, если бы мне пришлось сделать это еще раз, с сожалением должен сказать, что поступил бы так же.

Тролли в пещере продолжали шуметь от потрясения и возмущения, когда Бинабик заканчивал переводить друзьям свою речь. Потом он снова повернулся к молодой женщине, стоявшей перед ним, и что-то сказал, очень тихо и быстро, назвав ее «Сискви» вместо полного имени. Она резко отвернулась, как будто ей было тяжело на него смотреть. Бинабик не стал переводить свои слова, лишь с печальным видом посмотрел на ее отца и мать.

– И по какому же поводу ты принял решение? – с презрением спросила Нануика. – Какой выбор сделал тебя нарушителем клятвы – тебя, сумевшего подняться значительно выше снегов, к которым ты привык, чье брачное копье выбрала та, что занимает значительно более высокое положение?

– Мой наставник Укекук дал обещание доктору Моргенесу из Хейхолта, очень мудрому человеку Эркинланда. Когда мой наставник умер, я посчитал, что должен его исполнить.

Уамманак наклонился вперед, его борода топорщилась от гнева и удивления.

– Ты посчитал, что обещание, данное тому, кто живет в нижних землях, важнее женитьбы на дочери Дома предков – важнее Призыва лета? Правы те, кто говорил, будто ты заразился безумием на толстых коленях Укекука, Бинабик! Ты отвернулся от своего народа... ради *атку*?

Бинабик беспомощно потряс головой.

– Все совсем не так просто, Уамманак. Мой наставник предвидел огромную угрозу, не только для Иканука, но и для мира, расположенного ниже гор. Укекук боялся наступления зимы гораздо более страшной, чем все, что нам до сих пор довелось пережить, зимы, из-за которой Ледяной дом замерзнет на долгие и наполненные мраком тысячу лет. Моргенес, старик из Эркинланда, разделял его страхи. Из-за этой опасности данное обещание являлось исключительно важным. И поэтому – поскольку я считаю, что беспокойство моего наставника имеет под собой самые серьезные основания, – я бы снова нарушил мою клятву, не будь у меня другого выбора.

Сисквианамук повернулась и посмотрела на Бинабика. Саймону очень хотелось увидеть, что выражение ее лица смягчилось, но ее губы были по-прежнему поджаты и превратились в горестную тонкую линию. Нануика ударила ладонью по основанию своего копья.

– Абсолютно бессмысленный довод! – вскричала она. – Совершенно! Если бы я боялась снега на высотных перевалах, следовало бы мне оставаться в своей пещере и обрекать моих детей на голод? Твои слова говорят о том, что наш народ и горный дом, который тебя вырастил и воспитал, не имеют ни малейшего значения. Ты хуже пьяницы, тот, по крайней мере, твердит: «Я не должен пить», но снова и снова возвращается к своей дурной привычке. Ты же стоишь тут перед нами, наглый, точно вор, залезший в чужие седельные сумки, и заявляешь: «Я поступлю так снова. Моя клятва для меня пустой звук». – Она в ярости потрясла копьем, а заполнившие пещеру тролли принялись дружно выражать свое согласие с Охотницей. – Тебя следует немедленно казнить. Если твоё безумие заразит остальных уже до того, как уйдет одно поколение, в наших пустых пещерах будет разгуливать ветер.

Бинабик еще не закончил переводить глухим голосом ее последние слова, когда Саймон, которого трясло от ярости, вскочил на ноги. Шрам, выжженный у него на щеке, отчаянно болел и пульсировал, и каждое мгновение возвращало воспоминание о том, как Бинабик, вцепившийся в спину дракона, готовый сражаться с ним в одиночку, крикнул ему, чтобы он бежал, спасая свою жизнь.

– Нет! – гневно выкрикнул Саймон, удивив даже Эйстана и Слудига, которые потрясенно слушали странный разговор троллей. – Нет! – Саймон оперся о табурет, голова у него отчаянно кружилась, а Бинабик послушно повернулся к своим правителям и невесте и начал им объяснять слова рыжего жителя нижних земель.

– Вы не понимаете, что происходит, – заговорил Саймон, – или того, что совершил Бинабик. Здесь, в горах, остальной мир кажется очень далеким – но угроза *действительно* существует, она может добраться и до вас. Я когда-то жил в замке, и мне представлялось, будто зло – это нечто такое, о чем болтают священники, но даже и они не особо верят в его существование. Теперь я совершенно точно знаю, что ошибался. Опасности окружают нас со всех сторон и с каждым днем становятся все сильнее! Разве вы не понимаете? Бинабика и меня зло преследовало в огромном лесу и снегах, что находятся ниже ваших гор. Оно пришло за нами даже к драконьей горе!

Саймон на мгновение замолчал, у него продолжала кружиться голова, он тяжело дышал. Ему казалось, будто он держит в руках нечто скользкое и извивающееся, которое пытается выскользнуть из его пальцев.

«Что я могу им сказать? Наверное, я кажусь им безумцем. Бинабик говорил то же самое, что и я, но они устали на меня, будто я лаю, как собака! Они убьют Бинабика, а виноват буду я!»

Саймон тихонько застонал и предпринял новую попытку донести до правителей Иканука свои разбегавшиеся мысли.

– Нам всем угрожает опасность. Ужасная опасность наступает с севера – я хочу сказать, нет, мы сейчас находимся на севере... – он опустил голову и на мгновение задумался. – К

северу и западу отсюда находится огромная ледяная гора. Там живет Король Бурь... но он не живой. Его зовут Инелуки. Вы о нем слышали? Инелуки. Это страшное, невероятное существо!

Он наклонился вперед, едва не потеряв равновесие, и, вытаращив глаза, посмотрел на встревоженные лица Пастыря, Охотницы и их дочери Сисквинанамук.

– Он ужасен, – повторил Саймон, глядя в темные глаза девушки-тролля.

«Бинабик назвал ее Сискви, – подумал он. – Наверное, он ее любил...»

Ему показалось, что какая-то сила вцепилась в его сознание и принялась его трясти, так гончая хватает крысу. Неожиданно он начал падать вперед и вниз, в длинную, вращавшуюся шахту. Темные глаза Сисквинанамук стали невероятно глубокими и огромными, а потом изменились. Через мгновение она пропала, с ней ее родители, друзья Саймона, сам Чидсик Аб Лингит. Но глаза остались, превратившись в другой серьезный взгляд, медленно заполнявший все поле его зрения. Эти карие глаза принадлежали девочке из его народа, той самой, что приходила к нему в снах... и наконец Саймон ее узнал.

«Лелет, – подумал он. – Девочка, оставшаяся в лесном доме, потому что ее раны были слишком серьезными. Девочка, которую мы отдали на попечение...»

Саймон, – произнесла она, и ее голос диковинным эхом прокатился в его сознании, – *это моя последняя возможность. Мой дом скоро будет разрушен, и мне придется бежать в лес – но сначала я должна кое-что тебе сказать.*

Саймон никогда не слышал голоса Лелет, но ему казалось, что пронзительные интонации вполне подходят ребенку ее возраста, – однако что-то в нем было не так: слишком серьезный, слишком четкий и наполненный осознанием себя. Скорость речи и фразеология больше подходили взрослой женщине, вроде...

Джелой? – спросил Саймон, и, хотя у него не возникло ощущения, что он произнес это вслух, он услышал, как его собственный голос эхом промчался по какому-то пустому месту.

Да. У меня почти не осталось времени. Я бы не смогла с тобой связаться, но малышка Лелет наделена некоторыми способностями... она подобна горящему зеркалу, в которое я направляю свою волю. Она очень странный ребенок, Саймон.

Действительно, практически лишенное выражения лицо девочки, произносившей слова, каким-то образом казалось не таким, как у других детей, смертных. Было что-то диковинное в глазах Лелет, смотревших на него и одновременно сквозь и за него, как будто сам он был подобен дымке.

Где ты?

В моем доме, но это ненадолго. Моя защита разрушена, озеро наполняют темные существа. Я приняла решение бежать и не противостоять сейчас урагану, чтобы сражаться потом, когда наступит подходящее время. Вот что я должна тебе сказать: Наглимунд пал. Элиас одержал победу – но настоящим победителем является Он, тот, о ком мы оба знаем, темное существо с севера. Однако Джюшуа жив.

Саймон почувствовал, как внутри у него растет ледяной ком страха.

А Мириамель?

Та, что называла себя Марией, а также Малахией? Я знаю только, что она покинула Наглимунд: но больше глаза и уши друзей не смогли мне рассказать. И еще: ты должен запомнить мои слова и подумать над ними, поскольку Бинабик из Иканука от меня закрылся. Тебе следует отправиться к Скале Прощания. Это единственное безопасное место в грядущей буре – по крайней мере, так будет некоторое время. Иди к Скале Прощания.

Что? Где она находится? – Наглимунд пал? Саймон почувствовал, как отчаяние наполняет его сердце. В таком случае все действительно потеряно. – Где эта скала, Джелой?

Неожиданно, точно удар гигантской руки, без предупреждения на него налетела черная волна, лицо девочки исчезло, оставив после себя только серую пустоту. В голове Саймона прозвучали прощальные слова Джелой:

Это единственное безопасное место... Беги!.. Буря приближается...

Серая пелена рассеялась, точно волны отлива, покидающие берег.

Саймон обнаружил, что не сводит глаз с мерцавшего, прозрачного желтого света в канавке с ярко горевшим маслом. Он стоял на коленях в пещере Чидсик Аб Лингита. Рядом застыло напуганное лицо Эйстана.

– Какие демоны на тебя напали, парень? – спросил стражник, поддерживая тяжелую голову Саймона и помогая ему сесть на табурет.

Саймон чувствовал себя так, словно его тело состояло из тряпок и зеленых веточек.

– Джелой сказала... она сказала, буря... и Скала Прощания. Мы должны идти к Скале Прощ... – Саймон не договорил, поднял голову и увидел, что Бинабик стоит на коленях возле помоста. – Что Бинабик делает? – спросил он.

– Ждет решения, – мрачно ответил Эйстан. – Когда ты упал, он сказал, что больше не будет сражаться. Что-то долго говорил королеве, а теперь ждет...

– Но это неправильно! – Саймон попытался встать, но у него подогнулись колени, в голове гудело, будто кто-то стучал по железному котелку молотом. – Так... неправильно.

– Такова воля Бога, – с несчастным видом пробормотал Эйстан.

Уамманак закончил шепотом советоваться с женой, повернулся к Бинабику, стоявшему на коленях, что-то сказал на гортанном языке кануков, и собравшиеся в пещере тролли дружно застонали. Пастырь поднес руки к лицу, медленно закрыв ими глаза ритуальным жестом. Охотница торжественно повторила его движение. Саймон почувствовал, как внутри у него все похолодело, и это было тяжелее и безнадежнее зимней стужи. Он уже не сомневался, что его другу вынесли смертный приговор.

Глава 4. Чашка ароматного чая

Солнце пробивалось сквозь распухшие тучи, беззвучно заливая светом большой отряд всадников и вооруженных солдат, шагавших по Главному ряду в сторону Хейхолта. Яркие цвета знамен приглушали неровные тени, цокот копыт терялся в грязи разъезженной дороги, и казалось, будто храбрая армия бесшумно движется по дну океана. Многие солдаты шли, опустив глаза, другие выглядывали из теней шлемов, словно боялись, что их кто-то узнает.

Впрочем, не у всех вид был удручающим. Граф Фенгболд, которому в ближайшее время предстояло стать герцогом, скакал во главе отряда под черно-зеленым, украшенным драконом знаменем Элиаса, а также своим собственным серебряным соколом. Длинные черные волосы Фенгболда, которые удерживала только алая лента, повязанная на лбу, спадали на спину. Он улыбался, размахивая в воздухе кулаком в латной перчатке, и его приветствовали несколько сотен зевак, выстроившихся вдоль дороги.

Сразу за ним ехал Гутвульф из Утаниата, который из всех сил старался не хмуриться. Он также обладал титулом «граф» – и, предположительно, расположением короля, – но не сомневался, что осада Наглимунда все изменила.

Гутвульф всегда знал, что наступит день, когда его старый товарищ Элиас станет королем, а он непременно будет рядом. И вот теперь Элиас король, но все остальное складывалось совсем не так, как он представлял. Только тупой юнец Фенгболд либо слишком глуп, чтобы это заметить... либо чересчур амбициозен, и ему все равно.

Перед началом осады Гутвульф коротко подстриг седеющие волосы, и сейчас шлем свободно болтался на голове. И, хотя он по-прежнему оставался сильным и здоровым мужчиной в самом расцвете лет, иногда ему казалось, будто он усыхает внутри доспехов, становясь все меньше и меньше.

«Неужели я единственный, кому с каждым днем все больше становится не по себе? – спрашивал он себя. – Может быть, я стал слишком мягким и похожим на женщину после стольких мирных лет?»

Но это не может быть правдой. Да, во время осады две недели назад сердце отчаянно колотилось у него в груди, но причиной был восторг сражения, а не страх. Он смеялся, когда его атаковали враги, мастерским ударом длинного меча сломал спину одному из них и принимал ответные выпады, уверенно сидя в седле и управляя своим скакуном так же, как и двадцать лет назад, – даже лучше. Нет, он вовсе не стал мягкотелым, во всяком случае, не в этом смысле.

Гутвульф также знал, что не его единственного преследует растущее беспокойство. Хотя вдоль дороги собралась приветствовавшая их толпа, большинство были городскими бандитами и пьяницами. На самом деле слишком много окон, выходивших на Главный ряд Эрчестера, закрывали ставни, а из темных щелей других выглядывали горожане, которые не пожелали выйти из домов, чтобы отдать должное королю.

Гутвульф повернул голову в поисках Элиаса, и ему стало не по себе, когда он обнаружил, что на него пристально смотрят возбужденные зеленые глаза короля, и почти против собственной воли кивнул. Элиас сдержанно кивнул в ответ и с мрачным видом окинул взглядом жителей Эрчестера, вышедших его приветствовать. Элиас, которого мучила какая-то непонятная, но не слишком серьезная болезнь, покинул затянутый тентом фургон и пересел на черного скакуна всего в фарлонге или около того от городских ворот. И тем не менее он прекрасно держался в седле, скрывая от посторонних глаз недомогание. Король заметно похудел в последнее время, и теперь твердая линия его челюсти стала особенно заметна. Если не считать невероятной бледности – не особенно заметной в пятнистом свете близившегося вечера, как иногда случалось – и отстраненного сияния глаз, Элиас выглядел стройным и сильным, как и полагается королю, с победой возвращающемуся после успешной осады.

Гутвульф бросил мимолетный взгляд на серый меч с двойной гардой, висевший в ножнах у короля на боку. Проклятая штука! Как же он хотел, чтобы Элиас швырнул мерзкий клинок в глубокий колодец. Гутвульф совершенно точно знал, что с ним что-то не так. Кое-кто в толпе также почувствовал неприятные эманации меча, но только Гутвульф, который достаточно часто оказывался рядом со Скорбью, мог распознать истинный источник их беспокойства.

Впрочем, не только меч вызывал у жителей Эрчестера тревогу. Так же, как король, бодро ехавший верхом на лошади вечером, превращался в большую развалину в своем фургоне днем, успешную осаду Наглимунда нельзя было считать славной победой над его братом- узурпатором. Гутвульф знал, что даже находившиеся далеко от поля сражений горожане Эрчестера и Хейхолта пришли сюда, чтобы услышать про странную, жуткую судьбу замка и людей Джошуа. Но даже если и нет, лица, на которых читалось легкое отвращение, и склоненные головы солдат вместо победоносного ликования армии без слов говорили о том, что все совсем не так, как должно быть.

Это было больше, чем стыд, и больше обычного уныния – для него так же, как и для солдат. Они испытали страх и не могли его скрыть. Неужели король сошел с ума? Неужели навлек на их головы настоящее зло? Граф знал, что Бог не боится сражения или пролитой в небольших количествах крови, – такими чернилами написаны его намерения, так сказал один философ. Но, да проклянет их Усирис, это совсем другое дело, разве нет?

Он снова искоса посмотрел на короля и почувствовал, как внутри у него все сжимается. Элиас внимательно слушал своего советника, одетого в красное Прайрата. Безволосая голова священника болталась возле уха короля, точно покрытое кожей яйцо.

Гутвульф раздумывал о том, не следует ли убить Прайрата, но решил, что так будет только хуже, все равно что прикончить хозяина гончих, которые ждут команды возле горла жертвы. Возможно, Прайрат остался единственным, кто в состоянии контролировать короля, – если только, как часто думал граф Утаниата, сам священник, который всюду сует свой нос, не ведет Элиаса к гибели. Кто же может это знать, будь они все прокляты? Кто знает?

Возможно, в ответ на какие-то слова Прайрата Элиас обнажил зубы в улыбке и посмотрел на небольшую толпу зевак. Гутвульф видел, что у короля лицо совсем не счастливого человека.

– Я очень зол, и мое терпение подходит к концу от такой неблагодарности.

Король уселся на Трон из костей дракона, который прежде занимал его отец Джон.

– Ваш монарх возвращается с войны, одержав грандиозную победу, а его встречает только горстка отбросов. – Элиас поджал губы и принялся буравить взглядом отца Хелфсина, тщедушного священника, который также являлся канцлером огромного Хейхолта. Хелфсин опустился на колени у ног короля, выставив вперед лысую макушку, словно жалкий и не слишком надежный щит. – Почему меня не встречали мои подданные?

– Но это не так, милорд, – дрожащим голосом возразил канцлер. – Разве я не встречал вас у ворот Нирулаг со всем вашим двором, остававшимся в замке? Мы счастливы, что ваше величество вернулись домой в добром здравии и восхищены вашей победой на севере!

– Мне не показалось, что мои жалкие подданные из Эрчестера счастливы или испытывают восхищение. – Элиас потянулся к чаше, и Прайрат, который всегда был начеку, протянул ему ее, стараясь не пролить темную жидкость. Король сделал большой глоток и поморщился от горечи. – Гутвульф, ты считаешь, королевские подданные продемонстрировали мне надлежащую преданность?

Граф сделал глубокий вдох и только потом медленно заговорил:

– Возможно, они... до них дошли слухи...

– Слухи? Какие? Разве мы не разрушили крепость моего брата-предателя в Наглимунде?

– Разумеется, мой король. – Гутвульф почувствовал, что ступил на тонкий лед. Элиас не сводил с него зеленых, точно морские волны, глаз, в которых застыло бессмысленное любопытство. Как у совы. – Разумеется, – повторил граф, – но наши... союзники... они таковы, что вызывают множество разговоров.

Элиас нахмурился, словно его по-настоящему озадачили слова Гутвульфа, и повернулся к Прайрату.

– Мы обрели могущественных друзей, разве не так, Прайрат?

Священник ласково ему кивнул.

– Очень могущественных, ваше величество.

– И они выполнили нашу волю, верно? Они ведь сделали то, что мы хотели?

– Они точно исполнили вашу волю, король Элиас. – Прайрат бросил мимолетный взгляд на Гутвульфа.

– Хорошо. – Элиас с довольным видом повернулся и снова посмотрел на Хелфсина. – Король отправился на войну, разбил своих врагов и вернулся, заключив союз с королевством более древним, чем давно исчезнувшая империя Наббана. – Его голос опасно задрожал. – Так почему же мои подданные поджали хвосты, как собаки, которых отходили дубиной?

– Они неотесанные крестьяне, сир, – сказал Хелфсин, на носу которого повисла капля пота.

– Я уверен, что кто-то здесь решил устроить проблемы во время моего отсутствия, – заявил Элиас, старательно и пугающе выговаривая слова. – Я хочу знать, кто распространяет про нас сказки. Ты меня слышал, Хелфсин? Я должен выяснить, кто думает, будто он лучше Верховного короля понимает, что хорошо для Светлого Арда. Иди и возвращайся с ответом на мои вопросы. – Он сердито потянул себя за щеку. – Думаю, кое-кому из проклятых, прячущихся в своих домах аристократов пора познакомиться с виселицей. Им необходимо напомнить, кто правит этими землями.

Капля пота наконец упала с носа Хелфсина на плитку пола. Канцлер принялся энергично кивать, и еще несколько капель присоединилось к первой, их оказалось на удивление много в такой прохладный день.

– Конечно, милорд. Так хорошо, просто замечательно, что вы к нам вернулись.

Хелфсин слегка приподнялся, снова поклонился, потом повернулся и быстро вышел из тронного зала.

Грохот закрывшейся огромной двери эхом прокатился среди потолочных балок и плотно висевших знамен. Элиас снова откинулся на широкую клетку из пожелтевших костей и принялся тереть глаза тыльной стороной ладоней сильных рук.

– Гутвульф, подойди, – приглушенным голосом приказал Элиас.

Граф Утаниата шагнул вперед, едва справляясь со странным и почти непреодолимым желанием бежать отсюда как можно дальше. Прайрат, чье гладкое, точно мрамор, лицо, которое ничего не выражало, навис над локтем короля.

В тот момент, когда Гутвульф подошел к Трону из костей дракона, Элиас уронил руки на колени. Из-за темных кругов под глазами казалось, будто они погрузились в глубину черепа. На короткое мгновение у графа возникло ощущение, будто король смотрит на него из какой-то черной дыры, ловушки, в которую он угодил.

– Ты должен защитить меня от предательства, Гутвульф. – В напряженном голосе Элиаса прозвучали сильные нотки, и на миг графу показалось, что перед ним его прежний товарищ, воин, с которым он побывал не в одном сражении и не в одной таверне, такой, каким он его помнил, и потому слова короля причинили ему особую боль. – Фенгболд и Годвиг, да и все остальные, – они идиоты, – заявил Элиас. – Хелфсин трусливый заяц. Ты единственный в целом мире, кому я могу доверять, – естественно, кроме Прайрата. И единственный, кто целиком и полностью мне верен.

Король снова откинулся на спинку кресла и, сжав зубы, закрыл глаза руками, словно испытывал страшную боль. Граф посмотрел на Прайрата, но красный священник только покачал головой и отвернулся, чтобы снова наполнить чашу Элиаса.

Когда Гутвильф открыл дверь зала и вышел в залитый светом коридор, он почувствовал, будто на сердце ему лег тяжелый камень, и начал медленно обдумывать то, что казалось ему невозможным.

Мириамель отшатнулась, выдернула руку из цепких пальцев графа Стриве, неожиданно сделала шаг назад и упала на стул, который ей подставил мужчина в маске, изображавшей череп. Мгновение она просто сидела, чувствуя, что оказалась в ловушке.

– Как вы узнали, что это я? – наконец спросила она. – Что я приеду сюда?

Граф хохотнул и костлявым пальцем постучал по маске лисы, которую снял.

– Сильные полагаются на сильных, – заявил он. – А недостаточно сильным следует быть быстрыми и умными.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Да? – Стриве приподнял бровь и повернулся к своему помощнику в маске с черепом. – Можешь идти, Ленти. Подожди со своими людьми снаружи.

– Там дождь, – печально проговорил Ленти, качая головой с белым, как кость, лицом и глазами, подобными черным дырам.

– Тогда подожди наверху, болван! – брюзгливо заявил граф. – Когда ты мне понадобишься, я позвоню в колокольчик.

Ленти изобразил поклон, бросил взгляд на Мириамель и вышел.

– Да уж. – Стриве вздохнул. – Иногда он ведет себя, как ребенок. Однако делает то, что ему говорят. А это гораздо больше, чем я могу сказать про многих из тех, кто мне служит. – Граф подтолкнул графин с вином в сторону брата Кадраха, который с подозрительным видом фыркнул, явно не зная, как поступить. – О боги, пей уже, – рявкнул граф. – Неужели ты думаешь, что я потратил столько усилий, чтобы протащить тебя через весь Ансис Пелиппе, а потом решил отравить в одной из своих резиденций? Если бы я хотел тебя прикончить, ты бы валялся лицом вниз в гавани еще до того, как добрался бы до конца трапа.

– Ваши слова несколько не успокоили *меня*, – сказала Мириамель, которая начала чувствовать себя немного увереннее, – и я *очень* сердита. Если у вас благородные намерения, граф, в таком случае, почему нас доставили сюда под угрозой ножей?

– Ленти сказал вам, что у него есть нож? – спросил Стриве.

– Вне всякого сомнения, так он и сказал, – язвительно ответила Мириамель. – Вы намекаете на то, что ножа у него не было?

Старик рассмеялся.

– Благословенная Элизия, конечно, у него есть нож! Несколько дюжин, самых разных форм и размеров, некоторые заточены с обеих сторон, другие имеют двойное лезвие – у Ленти ножей больше, чем у вас зубов. – Стриве снова хохотнул. – Просто я постоянно говорю ему, чтобы он их не показывал всем подряд. В городе его называют Ленти Ави Стетто. – Стриве на мгновение перестал смеяться и слегка засопел.

Мириамель повернулась к Кадраху, рассчитывая на объяснение, но монах был поглощен кубком с вином графа, видимо, решив, что оно не опасно для его жизни.

– А что... Ави Стетто... означает? – наконец спросила она.

– На пердруинском языке это значит «У меня есть нож». – Стриве с любовью в глазах покачал головой. – И он умеет пользоваться своими игрушками, можете не сомневаться...

– Как же *все-таки* вы про нас узнали? – спросил Кадрах, вытирая губы тыльной стороной ладони.

– И что вы собираетесь с нами сделать? – добавила Мириамель.

– Что касается первого вопроса, – начал Стриве, – как я уже говорил, у слабых свои способности существования. Мой Пердруин не из тех стран, чья сила заставляет других дрожать от страха, поэтому у нас очень хорошие шпионы. Каждый порт Светлого Арда является открытым рынком сведений, а самые лучшие брокеры принадлежат мне. Я знал, что вы покинули Наглимунд, еще прежде, чем вы добрались до реки Гринвейд; с тех пор мои люди отслеживали ваш путь. – Он взял красный фрукт из миски, стоявшей на столе, и дрожащими пальцами принялся его чистить. – Что до второго вопроса, – продолжал он, – должен заметить, что он *очень* хороший.

Граф изо всех сил сражался с жесткой шкуркой, и Мириамель, неожиданно пожалев старика, протянула руку и мягко забрала у него фрукт.

– Давайте я вам помогу, – сказала она.

– Спасибо, дорогая, – удивленно приподняв бровь, проговорил Стриве. – Вы очень добры. Итак, к вопросу, что я намерен с вами делать. Должен признаться, когда я впервые получил сообщение о вашем... временном отсутствии в замке... я подумал, что очень многие с удовольствием заплатят за известие о вашем местонахождении. Затем, позже, когда я узнал, что вы намерены в Ансис Пелиппе сесть на другой корабль, я сообразил, что те, кого интересуют новости о вас, с радостью отдадут даже больше за саму принцессу. Например, ваш отец или дядя.

Охваченная яростью Мириамель бросила недочищенный фрукт в миску.

– Вы хотите продать меня моим врагам?

– Ну-ну, дорогуша, – успокоительно проговорил граф, – кто такое сказал? И кого вы называете врагами? Своего отца короля? Или любящего дядю Джошуа? Ведь речь вовсе не идет о том, что мы намерены отдать вас работоторговцам из Наскаду за несколько медяков. Кроме того, этот вариант в любом случае больше невозможен, – поспешно добавил он.

– В каком смысле?

– В том смысле, что я не собираюсь вас никому продавать, – ответил Стриве. – Прошу, не волнуйтесь по этому поводу.

Мириамель снова взяла фрукт, и теперь уже у *нее* дрожали руки.

– Что с нами будет?

– Возможно, граф запрет нас в своем глубоком и темном винном погребе – чтобы защитить, – сказал Кадрах, с любовью поглядывая на полупустой графин. Он был совершенно и великолепно пьян. – Какая *ужасная* судьба!

Мириамель с отвращением от него отвернулась.

– Итак? – спросила она Стриве.

Старик взял скользкий фрукт из ее рук и осторожно надкусил.

– Скажите-ка мне вот что, вы намереваетесь попасть в Наббан? – спросил он.

Мириамель медлила с ответом, не зная, как поступить.

– Да, – сказала она наконец. – Я хочу попасть в Наббан.

– Зачем?

– А с какой стати я должна вам говорить? Вы не причинили нам вреда, но пока еще и не доказали, что вы наш друг.

Стриве посмотрел на нее, и на его губах медленно появилась улыбка, хотя покрасневшие глаза оставались жесткими.

– О, мне нравятся молодые женщины, которые знают то, что знают, – заявил он. – Светлый Ард переполняют сентиментальность и неточное понимание самых разных вещей – разумеется, это никакой не грех, но глупая чувствительность временами заставляет ангелов стонать от отчаяния. Однако вы, Мириамель, даже когда были ребенком, производили впечатление человека, которого ждет славное будущее. – Он забрал у Кадраха графин и наполнил свой кубок. Монах смешно проследил за ним взглядом, точно собака, у которой отобрали кость.

– Я сказал, что никто не станет вас продавать, – продолжал граф Стриве. – На самом деле не совсем так... нет, нет, не нужно хмуриться, госпожа! Послушайте сначала, что я хочу вам сказать. У меня есть... друг, думаю, вы бы так его назвали, хотя мы с ним не слишком близки. Он религиозный человек, но также вращается и в других кругах – лучший друг, о каком я только мог мечтать, поскольку он обладает огромными знаниями и серьезным влиянием. Есть только одна проблема: он человек незыблемых моральных устоев. Однако он множество раз помогал мне и Пердруину, и, прямо говоря, я должен ему далеко не одну услугу. На самом деле не только я знал о том, что вы покинули Наглимунд, моему набожному другу также стало об этом известно из его собственных источников...

– И ему тоже? – Мириамель повернулась к Кадраху и сердито спросила: – Ты отправил гонца сообщить новость?

– Ни одно словечко не слетело с моих губ, миледи, – не слишком внятно ответил монах.

Интересно, ей только так кажется или Кадрах не настолько пьян, насколько делает вид?

– Прошу вас, принцесса. – Стриве поднял дрожащую руку. – Как я уже говорил, мой друг очень влиятельный человек. Его шпионская сеть, хотя и меньше моей, такова, что даже у меня вызывает удивление. Итак, вот что я хочу сказать: когда мой друг прислал мне весточку – у каждого из нас есть обученные птицы, которые доставляют письма, – он рассказал мне о вас. Впрочем, я уже и сам все знал. Однако мои планы на ваш счет были ему неизвестны – те самые, что я сообщил вам чуть раньше.

– Вы имеете в виду – меня продать.

Стриве смущенно закашлялся, и на мгновение кашель стал настоящим. Отдышавшись, он заговорил снова.

– А поскольку, как я уже сказал, я большой должник моего друга, когда он попросил меня помешать вам добраться до Наббана, у меня не было выбора...

– О чем он вас попросил? – Мириамель ушам своим не верила, неужели в ее дела постоянно будут вмешиваться другие люди?

– Он не хочет, чтобы вы попали в Наббан. Сейчас неподходящее время.

– Неподходящее время? Кто он такой и какое право...

– Он? Хороший человек, один из немногих, к которым можно применить это слово. Сам я не слишком таких люблю. Он сообщил мне, что сейчас «правильно» означает спасение вашей жизни. Или по меньшей мере свободы.

Принцесса почувствовала, что волосы прилипли к ее лбу. В комнате было тепло и влажно, а раздражавший ее непонятный старик снова улыбался, счастливый, как ребенок, научившийся новому фокусу.

– Вы намерены держать меня здесь, – медленно проговорила она. – Вы собираетесь посадить меня в заключение и так сохранить мою свободу?

Граф Стриве потянулся куда-то вбок и дернул за темную веревку, почти невидимую на фоне потрепанного гобелена. Где-то во дворце, наверху, едва слышно прозвучал колокольчик.

– Боюсь, вы правы, моя дорогая, – сказал он. – Я должен держать вас у себя до тех пор, пока мой друг не отдаст мне другой приказ. Долг есть долг, а услуги должны быть возвращены. – У двери снаружи послышался топот сапог. – Это все ради вашего блага, принцесса, хотя, возможно, сейчас вы не понимаете...

– А вот об этом судить мне, – сердито заявила Мириамель. – Как вы могли? Разве вы не знаете, что приближается война? Я намеревалась сообщить герцогу Леобардису важные известия.

Она должна была добраться до герцога и убедить его встать на сторону Джошуа. Иначе ее отец уничтожит Наглимунд, и его безумию не будет конца.

Граф фыркнул.

– О, дитя мое, лошади путешествуют гораздо, намного медленнее птиц – даже тех, что несут дурные вести. Видите ли, Леобардис со своей армией отправился на север почти месяц назад. Если бы вы не старались быстро и незаметно пройти через города Эрнистира и поговорили с несколькими людьми, вы бы об этом знали.

Когда потрясенная Мириамель без сил откинулась на спинку стула, граф громко постучал костяшками пальцев по столу. Дверь распахнулась, в комнату вошли Ленти и двое его подручных, так и оставшиеся в прежних костюмах. Впрочем, Ленти избавился от маски смерти, и его мрачные глаза смотрели с лица, более розового, но не намного более живого, чем то, которое он снял.

– Позаботься об их удобствах, – сказал Стриве. – Затем запри за собой дверь и возвращайся сюда, поможешь мне с носилками.

Когда Кадраха, у которого безвольно болталась голова, подняли со стула, Мириамель возмущенно повернулась к графу.

– Как вы можете? – задыхаясь, крикнула она. – Я всегда вспоминала вас с любовью – вас и ваш предательский сад!

– О, сад, – повторил за ней Стриве. – Да, вы ведь хотели бы еще раз там побывать, верно? Не сердитесь, принцесса. Мы с вами еще поговорим – я должен многое вам сказать. Я счастлив видеть вас снова. Подумать только, робкая, бледная Илисса родила такое яростное дитя!

Когда Ленти и его подручные вывели их под дождь, Мириамель бросила последний взгляд на Стриве, который качал седой головой.

Их привели в высокий дом, заполненный пыльными гобеленами и скрипучими стульями. Замок Стриве, примостившийся на уступе Ста-Мирор, был пустым, если не считать горстки молчаливых слуг и нескольких нервного вида посыльных, которые, подобно горностаям, пробирались туда и обратно в дыру в ограде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.